

Я ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ИМПЕРАТОРА, НЕ ЗНАЯ, КТО ОН

Дворцовый роман о тайнах, проклятиях и двух династиях

ISACAT MEOW

isacat meow

Я вышла замуж за императора, не зная, кто он

<https://litres.ru/74535774>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сяо Линъи много лет жила вдали от столицы и не знала, кем была на самом деле. Однажды она спасла тяжело раненого мужчину, назвавшегося Шэнь Янем. Со временем он остался рядом с ней, стал её мужем, а их тихая жизнь в горах превратилась в настоящий дом.

Но Шэнь Янь скрывал главное: он — Ци Янь, император Великой Яо.

Когда тайны прошлого начинают всплывать одна за другой, Сяо Линъи оказывается связана с исчезнувшей династией, загадочными смертями императорских наследников и дворцовой борьбой, о которой она никогда не просила. Любовь, построенная на скрытой правде, сталкивается с властью, старой враждой и решениями, которые невозможно просто забыть.

Теперь ей предстоит понять, кем она хочет быть сама — и сможет ли она по-прежнему доверять мужчине, которого когда-то впустила в свой дом.

Содержание

Глава 1 — Дом в горах	5
Глава 2 — А-Мань	28
Глава 3 — Утреннее приветствие во дворце Фэнъи	40
Глава 4 — Наследник престола	52
Глава 5 — Девять дней	60
Глава 6 — Имя Чжиань	75
Глава 7 — Та чаша лекарства	86
Глава 8 — Весеннее чаепитие	97
Глава 9 — Те, кто дома	105
Глава 10 — Один пункт благосклонности	113
Глава 11 — Вызов	121
Глава 12 — Вызов во дворец Фэнъи	130
Глава 13 — Вернулся слишком поздно	138
Глава 14 — Две семьи	148
Глава 15 — Жар	154
Глава 16 — Первый день рождения	165
Глава 17 — Один год	176
Глава 18 — Базарный день	183
Глава 19 — Кто-то ищет	190
Глава 20 — Ещё один	199
Конец ознакомительного фрагмента.	200

isacat meow

Я вышла замуж за

императора, не зная, кто он

Я ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ИМПЕРАТОРА,

НЕ ЗНАЯ, КТО ОН

ISACAT MEOW

Copyright © 2026 ISACAT MEOW

Все права защищены.

Никакая часть этого произведения не может быть воспроизведена, распространена или передана в какой-либо форме или любым способом без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением кратких цитат в рецензиях и иных случаев, разрешённых законом.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места, организации и события являются плодом авторского воображения либо используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, или с реальными событиями случайно.

Глава 1 — Дом в горах

Сяо Линъи проснулась от внезапно сжавшегося живота. Это случилось без предупреждения: весь живот разом напругся, словно ребёнок внутри изо всех сил толкнулся. Ещё не до конца очнувшись, она открыла глаза и инстинктивно накрыла ладонью округлившийся живот. Она только попыталась приподняться, как мужчина рядом уже проснулся.

Шэнь Янь одной рукой поддержал её за поясницу, другую положил ей на живот. Он двигался так быстро, что Сяо Линъи не успела ничего сказать, а он уже помог ей удобнее устроиться на мягких подушках.

— Где болит?

В его низком голосе не осталось и следа сна. Сяо Линъи и сама немного испугалась. Шёл уже восьмой месяц, а всего несколько дней назад лекарь из деревни у подножия горы предупредил их: теперь ребёнок вполне может решить появиться раньше срока.

Она затаила дыхание и подождала. Живот по-прежнему неприятно тянуло, зато малыш внутри был явно полон сил. Под ладонью Шэнь Яня что-то ощутимо выпятилось, а почти сразу следом пришёл второй толчок.

— Здесь. — Она поймала его за руку и передвинула ладонь правее. — Чувствуешь? Он всё ещё шевелится.

Шэнь Янь не улыбнулся. Его ладонь оставалась на её жи-

воте, пока напряжение постепенно не отпустило. Только тогда жёсткая линия его челюсти немного расслабилась.

Сяо Линъи откинулась на подушки и посмотрела на него. Видя, что он нервничает сильнее неё самой, она окончательно успокоилась. Подняв руку, она мягко разгладила складку между его бровями.

— Я даже не так уж испугалась.

Шэнь Янь бросил на неё взгляд.

— А у кого только что лицо побелело?

— Я только проснулась.

— Мм.

Он явно ей не поверил. Сяо Линъи решила не спорить. Опустив глаза, она снова погладила живот. После короткой вспышки активности малыш успокоился, хотя время от времени всё ещё ворочался. Сквозь тонкую ткань ночной одежды было видно, как едва заметно меняются очертания живота.

Чем дольше она смотрела, тем сильнее улыбалась.

— Может, он уже знает, что скоро пора выходить.

Рука Шэнь Яня замерла.

— Ещё рано.

— У меня уже восьмой месяц.

— Лекарь сказал, ему лучше досидеть до срока.

— Если он сам решит выйти раньше, я ведь его не удержу.

Шэнь Янь ненадолго замолчал. Затем убрал с её плеча выбившуюся прядь волос и запахнул разошедшийся ворот ноч-

ной одежды.

— Скажи ему, пусть подождёт ещё немного.

Он произнёс это так, словно всё было предельно просто, хотя ладони с её живота так и не убрал. За окном уже начинало светать. Ночью шёл дождь, и теперь над горой стлался низкий туман. Бамбуковая роща и дальние склоны утонули во влажной серо-белой дымке. С карниза всё ещё падали капли, иногда с тихим плеском попадая в каменный сосуд с водой в углу двора.

Сяо Линьби прожила здесь много лет и давно привыкла к таким утрам. Когда-то, открывая глаза, она слышала за окном только ветер и птиц. Теперь рядом лежал человек. А ещё через месяц-другой в доме появится ребёнок.

От этой мысли на душе стало особенно тепло.

Шэнь Янь уже поднялся и принёс ей обувь. Увидев, как он присел рядом с кроватью, Сяо Линьби вдруг развеселилась.

— Я сама могу.

— А наклониться так низко сможешь?

Она посмотрела на живот, за которым давно перестала видеть собственные ступни, и решила, что молчание будет разумнее.

До беременности она и представить не могла, что однажды ей понадобится помощь, чтобы просто обуться. Первое время ей было ужасно неловко. Стоило Шэнь Яню потянуться к её обуви, как она тут же уверяла, что справится сама. Но живот становился всё больше, и даже один наклон вперёд

отнимал силы. Постепенно она привыкла к тому, что о ней заботятся.

Многого она раньше не могла представить. Ещё меньше двух лет назад она вообще не знала, кто такой Шэнь Янь.

В тот день тоже шёл дождь. Она возвращалась с гор с корзиной лекарственных трав за спиной и у ручья увидела мужчину, лежавшего весь в крови. Сначала Сяо Линъи решила, что он уже мёртв. Но, подойдя ближе, заметила, как шевельнулись его пальцы.

Рана у него за плечом была пугающе глубокой. Одежда пропиталась грязью и кровью, лицо побелело так, что он едва походил на живого. Сяо Линъи долго стояла рядом, не решаясь. В конце концов вернулась домой и выкатила старую ручную тележку.

Взрослый мужчина оказался намного тяжелее, чем она ожидала. По дороге приходилось снова и снова останавливаться и отдыхать. Когда ей наконец удалось втащить его во двор, сил почти не осталось. На следующее утро обе руки болели так сильно, что она едва могла поднять их, чтобы расчесаться.

Два дня мужчина горел в жару. По-настоящему в сознание он пришёл лишь к вечеру третьего дня. Открыв глаза, первым делом долго смотрел на неё. Позже он назвался Шэнь Янем.

Он сказал, что родом из столицы, что дома возникли сложности и пока вернуться он не может. Сяо Линъи выслу-

шала и больше ни о чём не спрашивала. У неё самой было прошлое, о котором нельзя было говорить.

Пока старшие, вырастившие её, были живы, они снова и снова повторяли: никогда не рассказывать чужим, откуда она родом, никогда не ездить в Юнцзин и никогда не говорить о прежней семье. В детстве она спрашивала почему. Ответ всегда был один: подрастёшь — поймёшь. Но старшие один за другим ушли из жизни, а объяснения так и не последовало. Осталось лишь их предупреждение.

Раз у неё самой были тайны, Сяо Линъи не собиралась заставлять Шэнь Яня раскрывать его прошлое. Она была уверена: когда раны заживут, он уйдёт. Наступила зима. Он всё ещё был здесь.

В канун Нового года он починил окно, из которого постоянно тянуло ветром. К весне во дворе уже стоял стол, сделанный им собственными руками. А потом, в какой-то момент, они поклонились Небу и Земле и стали мужем и женой.

Их свадьбу трудно было назвать шумной. В горах не было гостей, во дворе не стояли ряды столов с угощениями. Сяо Линъи сама вырезала две кривоватые фигурки из красной бумаги и приклеила их к двери, а на столе стояли всего две чаши с вином.

Сидя тогда на краю кровати под красным свадебным покрывалом, она чувствовала, как сердце колотится так громко, что за ним почти не слышно ветра за окном. Шэнь Янь поднял покрывало и долго смотрел на неё.

— Ты ещё можешь передумать, — сказал он тогда.

Ладони у неё вспотели от волнения, но она всё равно покачала головой. А теперь их ребёнку уже восемь месяцев. Вспомнив об этом, Сяо Линьби рассмеялась вслух.

Шэнь Янь как раз завязывал на ней обувь и поднял голову.

— Чему смеёшься?

— Вспомнила нашу свадьбу.

— И что там было смешного?

— Ты с таким серьёзным лицом спрашивал, не пожалею ли я, что вышла за тебя.

— Могу спросить ещё раз.

Сяо Линьби моргнула, потом протянула руку и ухватилась за край его рукава.

— Ответ будет тот же.

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— Не пожалею.

Утренний свет проникал сквозь окно и ложился на её лицо. Она только проснулась, длинные волосы ещё не были расчёсаны, а беременность немного смягчила черты и придавала ей особенно тёплый, спокойный вид. Произнеся эти слова, она опёрлась ладонью о край кровати и поднялась, будто не заметила, что сказала нечто важное. Шэнь Янь ещё мгновение оставался на месте, а затем встал и поддержал её.

Завтрак уже был готов. В последнее время Сяо Линьби почти не позволяли заходить на кухню. По мнению Шэнь Яня, даже лужица воды на полу представляла для неё опасность.

На столе стояли простая рисовая каша, яйцо на пару, тарелка овощей и нарезанная груша. Усевшись, Сяо Линьби сразу осмотрела блюда и быстро обнаружила, что её нынешнего любимого лакомства нет.

— А где кислые сливы?

Шэнь Янь налил ей каши.

— Сегодня не будет.

— Почему?

— Вчера ты съела пять.

— Всего пять.

— Шестую я у тебя забрал.

Сяо Линьби сразу вспомнила их вчерашний маленький спор. Тогда ей казалось, что Шэнь Яню всё больше нравится указывать, что ей можно, а что нельзя. А вечером он каким-то образом достал банку зелёных слив, настоянных в мёде. Она так обрадовалась, что моментально забыла прежнее раздражение.

— Две, — начала она торговаться.

— После завтрака.

— Три.

— Две.

Она сердито посмотрела на него. Лицо Шэнь Яня осталось совершенно спокойным. Дальнейший торг явно не имел смысла. Сяо Линьби опустила голову и смирилась с кашей. В середине завтрака ребёнок снова зашевелился.

Теперь она уже обычно понимала, где именно он лежит.

Сразу отложила палочки, схватила Шэнь Яня за руку и прижала его ладонь к небольшому бугорку на животе.

— Здесь.

Едва его ладонь легла на это место, малыш пнул её изнутри.

Глаза Сяо Линьи радостно блеснули.

— Как думаешь, ты ему нравишься?

Шэнь Янь посмотрел на свою руку.

— С чего ты взяла?

— Каждый раз, когда ты его трогаешь, он шевелится.

— Может, я его раздражаю.

— Он такой крошечный и уже умеет раздражаться?

— В тебя.

Сяо Линьи тут же нахмурилась.

— Когда это я на тебя раздражалась?

Наконец Шэнь Янь улыбнулся.

— Никогда.

Только после этого она решила оставить тему. После завтрака Сяо Линьи взяла детскую одежду, которую не успела дошить вчера, и устроилась под крытой галереей. Это был маленький светло-зелёный халатик. По краю передней полы она вышила два крошечных бамбуковых листочка. Стежки были далеко не идеальными, но любой, кто взглянул бы на вещь, сразу заметил, сколько старания в неё вложено.

На другой стороне двора стояла ещё не законченная колыбель. В последнее время Шэнь Янь каждый день понемногу

над ней работал. Деревянные перекладки уже были отполированы до гладкости, однако он всё равно проводил ладонью по каждому месту. Стоило найти малейшую шероховатость, как он снова брался за наждачный камень.

Наблюдая за этим несколько дней, Сяо Линъи наконец не выдержала:

— Ребёнок ведь не из тофу. Если будешь шлифовать дальше, от колыбели скоро целый слой дерева исчезнет.

— Здесь ещё шероховато.

— Вчера ты говорил то же самое.

— Вчера было с другой стороны.

Она опустила голову, пряча улыбку, и вернулась к шитью. Немного погодя подняла готовый халатик, внимательно осмотрела, а потом приложила к животу, словно пыталась представить в нём ребёнка.

На её лице вдруг появилось беспокойство.

— Не слишком маленький?

Шэнь Янь поднял взгляд.

— Новорождённые правда такие крошечные?

— Примерно такие.

— Ты видел?

Его руки остановились. Сяо Линъи спросила это без всякой задней мысли. Шэнь Янь был на тринадцать лет старше неё и жил в столице. Она всегда считала, что он видел куда больше людей и вещей, чем она, поэтому вопрос казался совершенно обычным.

— Видел, — ответил он.

— Таких маленьких детей трудно растить?

Шэнь Янь не ответил сразу. Подняв глаза, Сяо Линьби заметила, как его пальцы чуть сильнее сжали деревянную перекладину.

— А-Янь?

— Ты здорова, — сказал он. — И лекарь говорит, что беременность проходит спокойно.

— Я спрашивала про ребёнка.

— С ним тоже всё будет хорошо.

Голос его оставался ровным, но почему-то Сяо Линьби показалось, что эти слова он говорит скорее самому себе. Она отложила рукоделие и поднялась, придерживая поясницу. Едва Шэнь Янь заметил её движение, он переставил маленькую скамеечку на ровное место. Когда она подошла, поддержал её и помог сесть.

Сяо Линьби провела ладонью по колыбели.

— Когда он родится, мы всё ещё будем жить здесь?

— Хочешь уехать?

— Нет.

Она посмотрела через стену двора на горный лес, где на ветвях уже появлялась свежая зелень.

— Здесь хорошо. Когда он научится ходить, сможет бегать по двору. Летом будем водить его к ручью за домом. Когда подрастёт, я научу его разбираться в лекарственных травах, а ты — читать. Если родится девочка, всё то же самое. Всё,

что мне позволяли делать в детстве, будет позволено и ей.

Шэнь Янь молча смотрел на неё.

Сяо Линъи повернулась к нему.

— Тебе не нравится?

— Нравится.

— Значит, в столицу не вернёмся?

На этот раз он молчал дольше. Сяо Линъи не стала настаивать. Она давно знала, что о столице он говорить не любит. Раньше она спрашивала пару раз, но потом перестала.

Теперь ей хотелось совсем немного: этот маленький двор, мужчина, которого она привыкла видеть рядом, просыпаясь, и ребёнок, который скоро появится на свет.

Для неё этого уже было достаточно.

Наконец Шэнь Янь поднял руку и погладил её по волосам.

— Сначала благополучно роди.

Сяо Линъи улыбнулась и кивнула.

— Значит, обещал.

Он несколько мгновений смотрел на неё.

Потом тоже кивнул.

— Обещал.

К середине дня её начало клонить в сон. На последних месяцах беременности Сяо Линъи обычно спала днём час-другой. Шэнь Янь укрыл её одеялом и наполовину опустил занавеску у окна. Лишь когда её дыхание стало медленным и ровным, он вышел из спальни.

Во дворе было тихо. Вскоре из глубины бамбуковой рощи

дважды коротко крикнула птица.

Шэнь Янь как раз убирал чайную посуду. Он не ушёл сразу. Сначала посмотрел в сторону спальни. Только убедившись, что внутри по-прежнему тихо, вышел со двора и по влажным каменным ступеням спустился вниз по горе.

В лесу его уже ждали. Мужчина был одет в простую, ничем не примечательную одежду, подол которой испачкала грязь с горной тропы. Увидев Шэнь Яня, он немедленно опустился на одно колено и склонил голову.

— Ваше величество.

На мгновение лес замер. Ци Янь стоял в тени деревьев. От тепла, остававшегося на его лице, пока он шлифовал колыбель во дворе, не осталось ничего.

Он посмотрел на коленопреклонённого человека.

— Что во дворце?

— Сегодня утром пин Чжэн потеряла ребёнка. Сама она выжила, но придворные лекари говорят, что, возможно, больше не сможет забеременеть. Человек из дворца императрицы заходил в Императорское медицинское ведомство. Больше пока ничего не произошло. Евнух Вэй уже покинул Юнцзин. Если сохранит нынешний темп, к ночи должен добраться до этих мест.

Ци Янь выслушал, ничем не выдав реакции.

— А семья Чжэн?

— Они ещё ничего не знают.

— Пока и не должны узнать.

— Слушаюсь, ваше величество.

Мужчина немного подождал, затем осторожно спросил:

— Если во дворце станут спрашивать о вашем величестве...

— Всё как прежде.

— Понял.

Ци Янь оглянулся в сторону двора. За бамбуком и стеной дома уже не было видно. Но там, внутри, спала на их кровати женщина на восьмом месяце беременности. Рядом лежал маленький халатик, который она закончила шить утром. А во дворе стояла колыбель, до которой оставалось лишь несколько последних штрихов.

Он отвёл взгляд.

— Уберите людей со всех дорог поблизости. Следующие два месяца ни один посторонний не должен приблизиться к этому месту.

Мужчина немедленно поклонился.

— Слушаюсь, ваше величество.

Когда Ци Янь вернулся во двор, Сяо Линьи как раз проснулась. Она стояла в дверях, накинув на плечи верхнюю одежду, волосы после сна были растрёпаны. Увидев, что он возвращается, она заметно облегчённо выдохнула.

— Куда ты ходил?

— Проверял ограду сзади.

— Так долго?

— После ночного дождя часть расшаталась.

Сяо Линъи не придавала этому значения. Она протянула руку и взялась за его рукав.

— Проснулась, а тебя нет. Я решила, что ты спустился с горы.

Ци Янь опустил глаза на пальцы, сжимавшие его рукав.

— Не спускался.

— Тогда сегодня после обеда поможешь мне придумать имя ребёнку.

— Хорошо.

— Ты каждый раз говоришь «хорошо», а до сих пор не придумал ни одного.

— Значит, сегодня и придумаем.

Удовлетворённая ответом, Сяо Линъи потянула его к дому. Ци Янь пошёл следом. Уже переступая порог, он ещё раз оглянулся вниз по склону. Человека из бамбуковой рощи там больше не было.

* * *

Много лет спустя запах лекарств настолько въелся в занавеси дворца Чэнтянь, что, казалось, его уже невозможно было вывести. Императрица лежала, опираясь на подушки, и каждый её вдох становился слабее предыдущего. Несколько дворцовых слуг стояли на коленях в покоях, низко опустив головы. Никто не смел даже шелохнуть одеждой.

В руке императрица сжимала старый лист бумаги, который ей доставили совсем недавно. Края листа были смяты её пальцами. На эту ниточку она вышла лишь спустя больше

десяти лет расследований. Примерно в двенадцатый год эры Чэнси Ци Янь несколько раз тайно покидал Юнцзин, каждый раз беря с собой совсем немного людей. Некоторые из этих отъездов были стёрты настолько тщательно, что даже в ежедневных записях императора почти ничего не осталось.

Слуги, находившиеся рядом с ним в те годы, один за другим умерли. Те, кто выжил, давно исчезли. Императрица расследовала это годами и лишь теперь нашла упоминание одного места в старой счётной книге, большей частью уже изъеденной насекомыми.

За пределами столицы жила женщина. Женщина, которая когда-то носила ребёнка Ци Яня.

Императрица так долго смотрела на последние строки, что глаза налились кровью.

Всю жизнь она наблюдала, как во дворце один за другим умирают императорские дети. Её собственный ребёнок тоже не выжил.

Она меняла лекарей, проверяла кормилиц, казнила одну группу слуг за другой. В поисках причины добралась даже до архивов, связанных с падением Великой Инь двадцать лет назад.

И всё же эта ниточка оставалась скрытой до тех пор, пока она сама не оказалась при смерти.

— Где...

Голос был настолько хриплым, что едва звучал.

Пожилая дворцовая служанка у ложа наклонилась ближе.

— Ваше величество?

— Та женщина... куда она потом исчезла?

Лицо служанки побледнело. Людей уже посылали на поиски. Они ничего не нашли.

Место, о котором говорилось в документах, давно опустело. Жители окрестностей за эти годы сменились не один раз. Те немногие, кто когда-то видел эту женщину, уже умерли. В старых бумагах не сохранилось даже её имени.

Словно Ци Янь намеренно вычеркнул те годы из всех существовавших записей.

Императрица всё поняла по выражению лица служанки. В груди вспыхнула резкая боль. Она согнулась в приступе кашля; кровь потекла из уголка губ и капнула на пожелтевший лист.

Она опоздала больше чем на десять лет.

Пальцы впились в бумагу, а взгляд по-прежнему не отрывался от нескольких строк. Императрица попыталась заговорить снова, но из горла не вышло ни одного связного звука.

Дыхание становилось всё поверхностнее. Свет свечей расплылся перед глазами. Последним она увидела строку, теперь испачканную её кровью.

Двенадцатый год Чэнси.

За пределами столицы женщина носила его ребёнка.

Звуки в покоях постепенно исчезали. И вдруг прямо у её уха раздался голос — гораздо моложе того, что она слышала только что.

— Ваше величество, пин Чжэн потеряла ребёнка.

Глаза императрицы распахнулись.

Яркий весенний свет лился сквозь резные решётчатые окна и растекался по отполированным золотистым плитам пола. Грудь тяжело вздымалась. Правая рука всё ещё была сжата, словно в ней оставался лист, который она держала в момент смерти.

Но пожелтевшей бумаги в ладони не было.

Только мягкое парчовое одеяло. В курительнице тлел агар. По обе стороны кровати свисали алые занавеси. На углу потолка висела маленькая подвеска из белого нефрита.

Императрица уставилась на неё.

Эта подвеска разбилась больше десяти лет назад.

— Ваше величество?

Служанка, стоявшая на коленях возле кровати, позвала её снова. Императрица повернула голову.

Цинхэ.

Это лицо было мучительно молодым.

Через одиннадцать лет Цинхэ погибла во время дворцового переворота. Императрица собственными глазами видела, как её тело вынесли через северные ворота дворца.

А теперь она стояла здесь на коленях — живая и невредимая.

Императрица опустила взгляд на свои руки. Суставы были гладкими, кожа — тонкой и чистой. Все шрамы, появившиеся позднее, исчезли.

Она подняла руку и коснулась лица. Под пальцами была молодая упругая кожа. Даже отёки вокруг глаз, оставшиеся после долгих лет лекарств, пропали.

Цинхэ явно смутило то, как на неё смотрят, но она всё же продолжила доклад, который не успела закончить.

— Пин Чжэн удалось спасти. Ребёнка — нет. Императорский лекарь говорит, повреждения тяжёлые, и, скорее всего, ей будет трудно снова зачать. Ваше величество, продолжать приготовления в Императорском медицинском ведомстве?

Императрица замерла.

Пин Чжэн.

Конечно, она помнила.

Пин Чжэн вошла во дворец два года назад. Её отец совсем недавно получил должность в Военном ведомстве, и влияние семьи Чжэн при дворе начало расти.

Та беременность пришлась на крайне неудобное время. Через три дня после того, как императрица узнала о ней, она велела действовать. Лекарство вышло из Императорского медицинского ведомства в обычном виде; средство, вызвавшее выкидыш, добавили позже.

Женщина мучилась всю ночь. Ребёнок умер. Мать выжила.

Императрица смотрела на молодую Цинхэ перед собой, пока рваное, отчаянное дыхание, с которым она вернулась из смерти, постепенно не выровнялось.

— Как пин Чжэн?

— Только что пришла в себя. Всё время плачет.

Цинхэ опустила голову.

Императрица потянулась к чашке чая. Тепло фарфора под пальцами делало всё вокруг ещё более реальным. Она отпила.

Чай Люань.

Тот самый, который она любила в молодости.

— Если она больше не сможет рожать, не тратьте на неё лишних людей.

Цинхэ поняла сразу.

— Слушаюсь, ваше величество.

Императрица поставила чашку.

— Какое сегодня число?

На этот раз Цинхэ заметно замешкалась. Подняла глаза, словно хотела убедиться, что не ослышалась, и лишь потом ответила:

— Седьмой день третьего месяца, двенадцатый год Чэнси.

Пальцы императрицы сильнее прижались к крышке чашки.

В памяти снова всплыли слова с залитой кровью бумаги, которую она видела перед смертью.

Двенадцатый год Чэнси.

Ци Янь уже начал тайно покидать столицу.

Женщина, которую он скрывал за пределами дворца, уже появилась. Возможно, она даже была беременна.

В прошлой жизни императрица узнала о её существова-

нии лишь спустя больше десяти лет.

Теперь всё только начиналось. Многие следы, которые позже исчезли, ещё оставались свежими.

Она подняла глаза на Цинхэ.

— Вэй Чэн сегодня во дворце?

На лице Цинхэ мелькнуло недоумение. Вэй Чэн был одним из ближайших людей императора. Он подчинялся только Ци Яню, а дворец Фэнъи почти никогда не имел с ним дел.

— Утром я не обратила внимания. Если ваше величество желает его видеть, я могу послать человека в покои его величества...

— Не спрашивай.

Голос императрицы был тихим. Цинхэ немедленно замолчала.

— Проверь сама. Не тревожь никого рядом с его величеством и не спрашивай, куда он ушёл. Я хочу знать только одно: появлялся ли сегодня Вэй Чэн.

Цинхэ быстро поняла разницу.

— Поняла.

Она вышла.

Императрица осталась одна и медленно оглядела спальню, которую уже десятилетиями не видела такой. За окном только начинали распускаться бегонии. Несколько служанок под крытой галереей меняли золу в курильницах.

Издалека едва слышно доносился звон от дворцовых ворот. Всё это когда-то превратилось для неё в далёкое воспо-

минание.

Теперь снова принадлежало ей.

Через полчаса Цинхэ вернулась. Она закрыла дверь ещё осторожнее, чем прежде, подошла к кровати и понизила голос.

— Ваше величество, евнух Вэй со вчерашней ночи не появлялся в покоях императора. Там знают только, что он покинул дворец по тайному приказу его величества. Куда он отправился и когда вернётся, никто не знает. Спрашивать никто не осмелился.

Императрица выслушала. Крышка чашки тихо коснулась края.

Вэй Чэн.

Под конец расследования в прошлой жизни это имя снова и снова встречалось ей в старых документах, которые кто-то пытался уничтожить.

После двенадцатого года Чэнси именно он выполнял для Ци Яня множество поручений, которые нельзя было выносить на свет. След, ведущий к женщине за пределами дворца, тоже проходил через него.

И теперь, как императрица и предполагала, он снова покинул дворец.

Она посмотрела на бегонии за окном. В прошлой жизни к тому времени, когда ей удалось добраться до этого следа, Вэй Чэн уже был мёртв.

Сейчас он ещё жив.

— Поставь за ним людей.

Цинхэ сразу насторожилась.

— Ваше величество, он человек его величества. Если люди императора заметят, боюсь...

— Значит, сделай так, чтобы не заметили.

Императрица повернулась к ней.

— Я хочу знать, куда он ездит. Мне не нужна его смерть. Возьми надёжного человека. Пусть держится на расстоянии. Не приближается и не вступает в контакт ни с кем из тех, кто рядом с ним.

Цинхэ ненадолго замолчала, затем склонила голову.

— Слушаюсь, ваше величество.

— И ещё одно.

Императрица подняла чашку и отпила.

— Не используй людей, которых дворец Фэнъи обычно привлекает к подобным делам.

Цинхэ подняла глаза. Ей понадобилось всего мгновение, чтобы понять: теперь императрица не до конца доверяет даже людям собственного дворца.

— Я всё устрою лично.

Императрица кивнула.

По двору прошёл ветер. Ветви бегоний качнулись, несколько лепестков осыпалось под крытую галерею. Она вновь вспомнила старую бумагу, залитую кровью в момент её смерти.

Кто была та женщина? Где жила? Что связывало её с Ци

Янем?

Пока императрица не знала ничего.

Спешить не требовалось. Вэй Чэн был жив. След ещё не успел остыть.

Она поставила чашку и посмотрела на Цинхэ.

— Узнай, куда он ездил.

Цинхэ поклонилась. Императрица добавила последнее указание:

— И не дай его величеству ничего заподозрить.

Глава 2 — А-Мань

Прошло больше месяца. Большая часть персиковых цветов в горах уже облетела, лишь несколько бледно-розовых лепестков упрямо держались на ветвях. Живот Сяо Линьи тоже заметно отяжелел. Ночью ей приходилось упираться в край кровати и медленно переворачиваться. Днём даже короткая прогулка до ворот двора и обратно отзывалась тупой болью в пояснице.

В ту ночь, когда роды начались по-настоящему, за окном моросил мелкий дождь. Сначала Сяо Линьи решила, что это снова одно из привычных сокращений, случавшихся в последние дни. Не до конца проснувшись, она нахмурилась и поменяла положение. Но вскоре пришла вторая волна — гораздо сильнее обычного, будто тяжесть давила вниз от самой поясницы.

Она сжала одеяло и некоторое время терпела. Уже хотела протянуть руку и разбудить мужчину рядом, когда Шэнь Янь сам открыл глаза. Он приподнялся. В тусклом свете, проникавшем через окно, сразу заметил тонкий слой пота на её лбу и положил ладонь ей на поясницу.

— Где болит?

— Здесь.

Сяо Линьи едва успела ответить, как живот снова сжался. Она резко втянула воздух, плечи сами напряглись. Когда

боль отпустила, она вдруг почувствовала влагу на бёдрах и опустила глаза.

Сон исчез мгновенно.

Шэнь Янь тоже всё увидел. К тому моменту, когда Сяо Линьби подняла голову, он уже откинул одеяло и встал. Накинул верхнюю одежду, затем повернулся и прикрыл её обнажившиеся ноги.

— Лежи. Не пытайся вставать сама.

— Ребёнок уже рождается?

Голос был очень тихим, и на этот раз страх скрыть не удалось. Руки Шэнь Яня на мгновение замерли. Он наклонился и убрал прилипшие к её лицу волосы.

— Повитуха рядом. Я приведу её.

Сяо Линьби схватила его за запястье и не сразу отпустила. Она так долго носила этого ребёнка и, конечно, всегда знала, что однажды ему придётся родиться. Но теперь, когда этот момент действительно наступил, мысли вдруг опустели, а пальцы похолодели от волнения.

Шэнь Янь посмотрел на руку, державшую его за запястье, и снова ненадолго сел рядом.

— Я очень быстро вернусь.

Только тогда она его отпустила.

Не прошло и получаса, как во дворе уже горело несколько ламп. Повитуха пришла в дождевике, подошвы её обуви были покрыты грязью с горной тропы. Вызвали и лекаря; он ждал во внешней комнате.

В спальню одну за другой носили тазы с горячей водой. Постель сменили. К тому времени, когда Сяо Линъи помогли переодеться в чистое, схватки уже участились.

Первые несколько часов ещё можно было терпеть.

Повитуха велела ей понемногу ходить по комнате. Сяо Линъи держалась за стойку кровати и делала, как сказано. Когда приходила боль, она останавливалась, закрывала глаза и ждала, пока отпустит, после чего шла дальше.

Шэнь Янь несколько раз пытался войти.

Каждый раз повитуха выставляла его обратно, заявляя, что мужчина в родильной комнате только будет мешаться под ногами. Сяо Линъи услышала это за дверью и даже сквозь боль рассмеялась.

Позже ей стало уже не до смеха.

Ночь медленно перетекла в серый рассвет.

Боль почти не прекращалась. Всё тело промокло от пота. Одежду на спине пришлось менять снова, когда она насквозь пропиталась влагой. Полоска ткани, которую Сяо Линъи сжимала в руке, давно была скручена и измята до неузнаваемости.

Повитуха всё время оставалась рядом и снова и снова напоминала, как дышать. Иногда Сяо Линъи ещё могла слушаться. Иногда боль становилась такой сильной, что она уже не понимала, откуда доносится голос.

Во внешней комнате всё время кто-то двигался.

Когда ей удавалось открыть глаза, через полуоткрытую

дверь порой был виден Шэнь Янь. Он не ходил из угла в угол и не торопил повитуху. Просто сидел на старом стуле снаружи. Чай рядом с ним давно остыл.

Каждый раз, когда звуки из комнаты становились громче, он поднимал голову и не отрывал взгляда от двери.

Последняя волна боли оказалась самой страшной. Сяо Линьби так сильно сжала руку повитухи, что едва не оставила следы. Стон, который она будто целую вечность удерживала внутри, наконец вырвался наружу.

Повитуха наклонилась к её уху и ровным голосом велела потерпеть ещё немного. У Сяо Линьби уже не осталось сил отвечать. Она просто делала то, что ей говорили.

И вдруг давление разом исчезло.

На одно биение сердца в комнате стало тихо.

А затем раздался громкий детский крик.

Сяо Линьби обмякла на подушках, из глаз хлынули слёзы. Она сама не понимала, плачет от боли или потому, что наконец услышала голос своего ребёнка.

Казалось, всё тело развалилось на части. В руках и ногах не осталось сил. Но взгляд ни на мгновение не отрывался от крошечного тельца в руках повитухи.

— Мальчик.

Проверяя ребёнка и прося подать чистую мягкую ткань, повитуха не могла скрыть улыбку.

— Ручки и ножки на месте, а какой голос! Госпожа, вы хорошо его выносили.

Малыш всё ещё плакал, маленькое лицо покраснелось. Услышав этот звук, Сяо Линъи наконец немного успокоилась. Когда ребёнка обмыли и завернули, повитуха положила его ей на руки.

Сяо Линъи долго смотрела вниз, даже дышать стала тише, сама того не замечая.

— Почему он такой маленький?

Голос уже охрип. Повитуха улыбнулась и поправила край пелёнки.

— Они все такие, когда только рождаются. Зато посмотрите, сколько волос.

Сяо Линъи кончиком пальца коснулась щёчки ребёнка, едва осмеливаясь нажать. Палец пробыл там всего мгновение, а малыш уже нахмурился и шевельнул губами.

— Нос похож на А-Яня.

Повитуха наклонилась ближе, затем взглянула к двери.

— А ведь и правда. И линия бровей тоже. Когда с лица сойдёт краснота, сходство, наверное, станет ещё заметнее.

Сяо Линъи пришла в восторг. Несмотря на изнеможение, она улыбнулась.

К тому моменту, когда вошёл Шэнь Янь, комнату уже успели привести в порядок, хотя в воздухе всё ещё стоял металлический запах крови. Сяо Линъи полусидела на подушках, держа младенца.

Увидев мужа, она тут же поманила его рукой.

— Иди сюда.

Сначала он посмотрел на неё. Лицо было очень бледным, под глазами лежали лёгкие тени. Те самые руки, которые ещё недавно дрожали от боли, теперь были спокойны и осторожно поддерживали голову и шею ребёнка.

Шэнь Янь подошёл к кровати.

Сяо Линъи сразу повернула свёрток к нему.

— Смотри. Мальчик.

Шэнь Янь опустил взгляд.

Ребёнок, который всего несколько минут назад кричал во весь голос, теперь молчал. Глаза были закрыты, щёка лежала на груди матери, дыхание было ровным.

Шэнь Янь смотрел так долго, что даже Сяо Линъи удивилась.

— Почему не возьмёшь его?

— Я не умею.

Она моргнула, а потом вспомнила, что когда-то он говорил, будто видел новорождённых, и не удержалась от смеха. Но смех тут же отозвался болью в теле. Она поморщилась и прижала ладонь к боку.

— Ты же говорил, что видел младенцев.

Шэнь Янь подтянул сползшее с неё одеяло.

— Я видел, как их держат другие.

— Вот и научишься сейчас.

Она уже протягивала ему ребёнка. На этот раз Шэнь Янь не отказался. Следуя её подсказкам, одной рукой поддержал шею малыша, другой — всё остальное тело.

Новорождённый был таким лёгким, что этот вес казался непривычным.

Стоило поднять ребёнка, как вся рука Шэнь Яня словно окаменела. Сяо Линьи очень хотелось рассмеяться, но сейчас от смеха было слишком больно, поэтому пришлось сдержаться.

— Не нервничай так.

— Я не нервничаю.

— Ты даже боишься руками шевельнуть.

Шэнь Янь посмотрел на ребёнка и решил не спорить.

Черты А-Маня ещё не оформились окончательно, но в линии бровей, переносице и лёгком изгибе уголков закрытых глаз уже проступало сходство с отцом.

Малыш пошевелился у него на руках. Одна крошечная ладошка выбралась из пелёнки. Пять коротких пальчиков обхватили палец Шэнь Яня и даже не смогли сомкнуться вокруг одного сустава.

Сяо Линьи долго смотрела на них двоих и наконец сказала:

— Он правда очень на тебя похож.

Шэнь Янь поднял на неё взгляд.

— Повитуха тоже так сказала.

По её виду было ясно, что этот вывод ей очень нравится. Затем она коснулась собственного лица.

— А рот должен быть мой.

Шэнь Янь снова посмотрел на младенца.

— Он такой маленький. Как ты вообще это определила?

— Просто вижу.

Спорить с женщиной, которая только что родила и была слишком счастлива, чтобы спать, явно не имело смысла, поэтому Шэнь Янь перестал пытаться.

Сяо Линъи ещё некоторое время держалась, но вскоре веки начали тяжелеть. Даже проваливаясь в сон, она вспомнила об имени, выбор которого они откладывали уже так долго.

Голос становился всё тише, однако она всё равно спросила:

— Ты так и не выбрал имя.

Шэнь Янь положил ребёнка обратно в колыбель и повернулся к ней.

— Пока будем звать тем домашним именем, которое выбрала ты.

— А-Мань?

— Мм.

Её глаза уже закрылись, но в уголках губ оставалась слабая улыбка.

— Значит, А-Мань. Пусть растёт спокойным и благополучным, пусть у него всегда будет всё необходимое. Пусть ни в чём не знает недостатка.

Шэнь Янь остался стоять у кровати.

— Хорошо.

Сяо Линъи уснула почти сразу.

В ту ночь А-Мань плакал трижды. В первый раз он был

голоден. Во второй — намочил пелёнки.

А в третий даже Сяо Линъи не понимала, чего он хочет. Она только что родила, и если слишком долго сидела, начинала болеть поясница. Она держала малыша на руках и укачивала, пока сама почти не начала засыпать, но А-Мань всё плакал, пока лицо не покраснело.

Шэнь Янь протянул руки и забрал его. Сяо Линъи всё равно смотрела с явным сомнением. Прислонившись к изголовью, спросила:

— Ты умеешь его успокаивать?

Шэнь Янь посмотрел сначала на громко плачущего младенца, потом на неё. Выражение лица ответило лучше слов.

Сяо Линъи засмеялась.

— Ладно. Разбирайтесь между собой. Я правда больше не могу держать глаза открытыми.

Она легла, и вскоре дыхание стало глубоким.

Бодрствовали только Шэнь Янь и ребёнок.

Он несколько раз прошёлся с А-Манем по комнате. Плач не стихал. Когда он поменял положение малыша, тот закричал ещё сильнее, так что спящая Сяо Линъи нахмурилась.

Шэнь Янь остановился возле кровати и посмотрел на неё. Затем отнёс ребёнка к окну.

Снаружи всё ещё шёл дождь.

Мягкий шум проникал через щели вокруг окна, вода с карниза продолжала капать в каменный сосуд во дворе.

А-Мань поплакал ещё немного. Постепенно крик стал

слабее, остались лишь редкие всхлипы с икотой. Вскоре он уснул на сгибе руки Шэнь Яня.

Шэнь Янь не двинулся сразу. Он смотрел на спокойное лицо младенца и очень легко провёл ладонью по его лбу. Только спустя некоторое время вернул ребёнка в колыбель и поправил одеяло на Сяо Линьи.

Следующие несколько дней А-Мань хорошо ел и громко плакал. Кроме того, что по ночам не давал родителям спать, никаких тревожных признаков у него не было.

На пятое утро Сяо Линьи сидела под крытой галереей с ребёнком на руках, подставив его солнечным лучам. Большая часть красноты уже сошла, черты лица понемногу становились яснее.

Она долго рассматривала его, а потом вдруг позвала в дом:

— А-Янь, иди сюда, посмотри.

Шэнь Янь убирал со стола. Он вышел во двор. Сяо Линьи с крайне серьёзным видом чуть приподняла ребёнка к нему.

— Разве теперь он не ещё больше на тебя похож?

Шэнь Янь сел рядом и некоторое время рассматривал малыша.

— Вчера ты говорила, что рот твой.

— Рот всё ещё мой.

— Тогда что моё?

— Вот здесь, здесь и нос.

Говоря это, она осторожно коснулась бровей малыша и пе-

реносицы.

А потом, словно боясь уступить слишком большую часть, поспешно добавила:

— А уши точно мои.

Шэнь Янь посмотрел, как она по своему усмотрению делит между ними каждую черту ребёнка, и решил не спорить.

Сяо Линъи наклонилась и поцеловала А-Маня в лоб. Малыш проснулся, сморщил личико и дважды дёрнулся. Она тут же начала мягко похлопывать его, а голос стал тише и нежнее.

Шэнь Янь ещё некоторое время сидел рядом, а затем сказал, что ему придётся уехать.

— Завтра мне нужно в город.

Рука Сяо Линъи, похлопывавшая ребёнка, замедлилась. Она не сразу спросила зачем. Вместо этого опустила глаза на А-Маня.

Шэнь Янь и раньше время от времени уходил. Иногда на два дня, иногда на пять-шесть. Она никогда по-настоящему не допытывалась, чем он занимается.

Но теперь их сыну было всего несколько дней.

Услышав, что он снова уезжает, Сяо Линъи всё равно почувствовала внезапную пустоту.

— Надолго?

— Не знаю. Постараюсь вернуться как можно скорее.

Сяо Линъи посмотрела на него. Она редко требовала обещаний. После недолгого молчания просто кивнула и чуть

крепче прижала А-Маня к себе.

— Тогда возвращайся быстрее. Он каждый день меняется. Если слишком долго не будет тебя рядом, потом придётся знакомиться с ним заново.

Шэнь Янь посмотрел на мать и сына.

— Не придётся.

Рано утром следующего дня он покинул горы. Сяо Линьи проводила его до ворот двора, держа ребёнка на руках. После ночного дождя горная тропа всё ещё была влажной.

Пройдя некоторое расстояние, Шэнь Янь обернулся.

Она всё ещё стояла у ворот в более тёплой верхней одежде, надёжно укутав ребёнка. Увидев, что он оглянулся, Сяо Линьи улыбнулась.

Шэнь Янь несколько мгновений стоял неподвижно, а потом продолжил спускаться с горы.

Глава 3 — Утреннее приветствие во дворце Фэнъи

На восьмой день после выкидыша пин Чжэн утренние приветствия во дворце Фэнъи возобновились. Весной рассвет приходил рано. Паланкины из разных дворцов один за другим подъезжали к дворцу Чэнтянь и останавливались перед воротами Фэнъи. Служанки поправляли юбки и накидки своих госпож, а евнухи под карнизами стояли, опустив головы.

Лишь когда последняя группа вошла внутрь, во дворе снова стало тихо.

Гуйфэй Гу, как обычно, прибыла последней. В тот день на ней было платье цвета граната — яркое, броское, с крупными распустившимися пионами, вышитыми золотой нитью по подолу. Даже ажурная шпилька с фениксом в её волосах была роскошнее украшений, которые осмеливались носить большинство императорских супругов.

Семья Гу из поколения в поколение давала стране военачальников. Отец гуйфэй, Гу Тинъюэ, и сейчас командовал войсками. С момента вступления во дворец она так и не научилась скрывать уверенность, которую давало ей происхождение.

Когда она вошла в зал, императрица уже сидела на глав-

ном месте.

Гуйфэй Гу выполнила положенный поклон и только после разрешения подняться заняла первое место слева. Приняв от служанки чай, она бросила взгляд на пустое кресло напротив и крышкой чашки слегка отвела плавающие на поверхности чайники.

— Пин Чжэн всё ещё не может прийти?

Она спросила это небрежно, будто речь шла о самой обычной женщине, пропустившей утреннее приветствие из-за недомогания.

Фэй Се как раз рассматривала выбившуюся нитку на краю рукава. Услышав вопрос, она подняла глаза.

— Императорский лекарь велел ей отдыхать. Говорят, последние два дня она всё ещё не может встать с постели. Госпожа Чжэн вчера подала прошение о разрешении войти во дворец.

Гуйфэй Гу отпила чай, никак не отреагировав на упоминание госпожи Чжэн.

— За последние годы во дворце было достаточно потерянных беременностей. Но семью Чжэн эта, похоже, напугала всерьёз.

Пин Хэ до этого рассматривала пирожные на столе. Услышав слова гуйфэй, она невольно скользнула взглядом к главному месту.

Императрица не подняла головы. Она листала весеннюю ведомость расходов, присланную Управлением император-

ского двора, словно разговор в зале её совершенно не касался.

Фэй Се медленно вытянула нитку из рукава. Голос её оставался таким же спокойным, как всегда.

— Ваше Высочество видели подобное чаще многих, поэтому, возможно, уже привыкли. Для пин Чжэн это первый потерянный ребёнок. Трудно ожидать, что и семья Чжэн должна быть к такому привычна.

Только тогда гуйфэй Гу повернулась к ней.

— Сегодня вы решили заступаться за пин Чжэн?

— Я лишь говорю правду. Она всё ещё лежит в постели, а мы здесь так легко обсуждаем её мёртвого ребёнка. Если такие слова выйдут за пределы зала, звучать это будет не слишком хорошо.

Слова были мягкими. И каждое попало точно в цель.

Выражение лица гуйфэй Гу почти не изменилось. Она лишь поставила чашку.

— Когда это я относилась к случившемуся легкомысленно? Если фэй Се так её жалеет, после приветствия можете пойти к её постели и поплакать вместе. А здесь зачем прикрывать её от нескольких слов?

Пин Хэ опустила голову. Уголки её губ уже едва заметно подрагивали. Она всегда любила смотреть, как ссорятся другие, и терпеть не могла только одного — когда в это втягивали её саму. Особенно если спорили гуйфэй Гу и фэй Се.

Первая опиралась на силу семьи Гу и редко скрывала своё

недовольство. Вторая всегда говорила мягко, будто уговаривала всех успокоиться, однако её спокойные фразы нередко ранили сильнее прямого оскорбления.

Пин Су сидела дальше и в их обмен репликами не вмешивалась.

Сегодня она оделась просто, из украшений были только жемчужные серьги. Когда гуйфэй Гу замолчала, пин Су подняла чашку, отпила и как бы между прочим заметила, что господин Чжэн утром, как обычно, присутствовал на придворном совете.

Вот это уже заинтересовало пин Хэ.

— Господин Чжэн пришёл?

Пин Су кивнула, не вдаваясь в подробности. Пин Хэ задумалась и сама рассмеялась.

— Наверное, пришлось. Если бы и он не явился, завтра снаружи уже судачили бы, что семья Чжэн рассорилась с дворцом.

Пин Су посмотрела на неё, но отвечать не стала.

Напротив сидела фэй Лу. Всё это время она слушала перепалку, ни разу в неё не вмешавшись. Она происходила из старого и уважаемого рода гражданских чиновников. Даже говорила и двигалась чуть медленнее остальных, словно каждое действие заранее обдумывала.

Только когда в зале снова стало тихо, она обратилась к императрице и спросила, не освободить ли пин Чжэн от утренних приветствий до конца месяца.

Императрица подняла глаза от ведомости.

— Освободить. Когда сможет снова вставать, сначала пусть её осмотрит императорский лекарь.

Фэй Лу склонила голову в знак согласия.

Гуйфэй Гу откинулась на спинку кресла и легко постучала сложенным веером по колену. Разговор уже перешёл к другому, но её мысли — нет. Взгляд снова остановился на пустом месте пин Чжэн.

После короткой паузы она внезапно сказала:

— Ребёнка больше нет, а его величество даже ни разу к ней не пришёл.

На этот раз пин Хэ не ответила сразу.

Все женщины в зале знали: в последнее время император почти не появлялся во внутренних покоях. Сначала он ещё призывал к себе кого-нибудь раз в несколько дней. К концу прошлого года и это стало происходить всё реже.

Уже больше двух месяцев он почти не проводил ночей ни в одном из дворцов своих супругов. При этом лампы в Императорском кабинете горели как обычно. Утренний совет он не пропустил ни разу. Чиновники всех ведомств приходили и уходили в прежнем порядке.

Никто не мог сделать вид, будто причиной было здоровье императора.

Гуйжэнь Линь сидела на последнем месте и всё утро почти не поднимала головы. При этих словах пальцы, державшие платок, невольно сжались.

Гуйфэй Гу это заметила.

— Похоже, гуйжэнь Линь знает больше остальных.

Щёки девушки тут же вспыхнули. Она была молода и вошла во дворец совсем недавно. Перед женщинами более высокого ранга почти никогда не говорила, если к ней не обращались напрямую. Теперь, оказавшись в центре внимания, она могла лишь тихо ответить:

— Я не... Я только несколько дней назад слышала разговор слуг. Кажется, уже больше двух месяцев.

Гуйфэй Гу улыбнулась.

— Даже срок помнишь, а говоришь, что ничего не знаешь.

Гуйжэнь Линь опустила голову ещё ниже.

Сидевшая рядом гуйжэнь Чжоу была куда спокойнее. Она поставила чашку и, не пытаясь защищать Линь, лишь заметила, что его величество в последнее время занят государственными делами, а сколько ни считай дни во внутренних покаях, ничего от этого не изменится.

Гуйфэй Гу посмотрела на неё, будто ответ её позабавил.

— А ты умеешь не принимать близко к сердцу.

На лице гуйжэнь Чжоу оставалась привычная мягкая улыбка.

— Мой ранг невысок. Сколько бы его величество ни отсутствовал, беспокоиться первой всё равно не мне.

Фэй Се взглянула на неё. Но гуйжэнь Чжоу уже снова смотрела в чай, словно сказала совершенно обычную вещь.

Наконец императрица закрыла ведомость. Она никого не

одоёрнула и не стала возвращаться к спору. Лишь велела служанкам убрать несколько остывших чашек.

Когда слуги закончили ходить туда-сюда, императрица посмотрела на сидевших ниже женщин.

— Пин Чжэн ещё восстанавливается. Пока не ходите к ней всем скопом. Если действительно хотите что-нибудь отправить, пусть Управление императорского двора зарегистрирует подарок и передаст. Пусть она сначала поправится, а потом уже дворец истопчет её порог.

Гуйфэй Гу медленно покрутила веер в пальцах и больше не упоминала пин Чжэн.

Но пин Хэ, кажется, вспомнила кое-что ещё. Она слегка подалась вперёд.

— Вчера я кое-что слышала. Не знаю, правда ли, но говорят, в Ведомстве ритуалов снова хотят поднять вопрос о новом отборе девушек во дворец.

Эти слова подействовали куда сильнее всего сказанного о пин Чжэн.

Веер гуйфэй Гу остановился. Фэй Се не пошевелилась, но подняла глаза. Фэй Лу наконец отвела взгляд от чая.

Даже гуйжэнь Линь, молчавшая всё утро, заметно выпрямилась.

Увидев, что теперь все смотрят на неё, пин Хэ вдруг перестала торопиться с продолжением.

— Я лишь услышала от одного из закупочных евнухов. Подготовило ли Ведомство ритуалов доклад на самом деле

— утверждать не смею.

Гуйфэй Гу несколько мгновений смотрела на неё.

— Обычно твои уши слышат всё. Почему, как только речь заходит о чём-то важном, у тебя остаётся одно «я слышала»?

Пин Хэ рассмеялась и ловко ушла от вопроса. Взяла пирожное и разломил пополам.

— Если бы я знала всё, сомневаюсь, что до сих пор сидела бы на своём нынешнем месте.

Фэй Се тихо рассмеялась, опустив голову. Гуйфэй Гу бросила на неё взгляд, но больше не стала давить на пин Хэ. Просто снова положила веер на колени.

Она так и не сказала, беспокоит ли её новый отбор.

Но с этого момента и до окончания приветствия к чаю больше не притронулась.

Когда собрание закончилось и женщины разошлись, за воротами дворца Фэнъи всё почти сразу изменилось.

Гуйфэй Гу ушла первой. Спускаясь по ступеням, она подождала личную служанку и понизила голос.

Ни слова об императоре. Ни слова о том, сколько времени он к ней не приходил.

Она лишь велела семье выяснить, что именно происходило последние дни в Ведомстве ритуалов с вопросом нового отбора, а также проследить, с кем Чжэн Юаньшань встретится после утреннего совета.

Служанка спросила, отправлять ли сообщение в резиденцию Гу немедленно.

Гуйфэй Гу остановилась и оглянулась на высокие ворота дворца Фэнью.

— После полудня. Если послать сейчас, будет слишком заметно.

* * *

В другом месте фэй Се шла медленно. Личная служанка следовала за ней, пока они не дошли до поворота дворцовой дороги. Убедившись, что рядом никого нет, девушка тихо заметила: упоминание нового отбора, похоже, действительно разозлило гуйфэй Гу.

Фэй Се убрала с лица прядь, которую растрепал ветер.

— Зачем, по-твоему, семья Гу вообще отправила её во дворец? Ждали, что она родит принца. Теперь ребёнка нет, его величество не приходит. Конечно, она тревожится.

Служанка подумала.

— Нам тоже велеть семье готовиться?

На этот раз фэй Се ответила не сразу. Прошла ещё несколько шагов и посмотрела, как впереди паланкин пин Хэ свернул на другую дворцовую дорогу.

— Ведомство ритуалов ещё даже не подало доклад. Куда спешить? Пусть первым голову высунет кто-нибудь другой.

Служанка приняла приказ и замолчала.

Вернувшись в свой дворец, пин Хэ не стала сразу переодеваться. Села возле ложа, велела разогреть завтрак и позвала молодого евнуха, отвечавшего за закупки за пределами внутренних покоев.

Он вошёл, уверенный, что его будут расспрашивать об отборе, и заранее подготовил ответы.

Но, спокойно доедая кашу, пин Хэ спросила совсем другое: не стал ли кто-нибудь из близких слуг императора в последнее время необычно часто покидать дворец.

Молодой евнух не смог ответить сразу.

Пин Хэ его не торопила. Просто неспешно закончила кашу.

Лишь когда он вспомнил, что Вэй Чэн и правда время от времени отсутствовал рядом с императором, она подняла глаза и как бы между прочим наградила его кусочком серебра.

— Если впредь услышишь что-то, запоминай. Только специально ни о чём не расспрашивай.

Молодой евнух быстро закивал.

Пин Хэ больше ничего не сказала и отпустила его. Лишь после этого позволила служанкам снять с неё шпильки.

Но из дворца Фэнъи ушли ещё не все.

Цинхэ дождалась, пока процессии из других дворцов отойдут достаточно далеко, и вернулась к императрице. Та уже снова раскрыла прежнюю ведомость расходов. Прочитав примерно половину страницы, она наконец заметила, что Цинхэ стоит рядом уже некоторое время.

— Опять потеряли его?

На лице Цинхэ появилось смущение.

Вэй Чэн вернулся во дворец ещё прошлой ночью. Послан-

ные за ним люди даже толком не успели выбраться из города. По дороге он несколько раз менял направление, заходил в две переполненные постоянные дворы. В конце концов никто даже не увидел, через какую дверь он вышел.

Цинхэ боялась держаться слишком близко и насторожить людей императора, поэтому ей пришлось отозвать всех.

Императрица не стала её винить. Она перевернула ещё одну страницу ведомости. Взгляд остановился на записи о закупке корма для лошадей.

— Хватит следить за человеком.

Цинхэ подняла голову.

Императрица постучала пальцем по странице.

— Вэй Чэну нужна лошадь всякий раз, когда он покидает город. В императорских конюшнях количество лошадей фиксировано. Если он меняет их на частных, кто-то должен платить. Проверь почтовые станции к югу и западу от города за последние три месяца. Не ищи Вэй Чэна. Ищи лошадей.

Цинхэ поняла почти сразу.

— Сегодня же ночью отправлю людей.

Императрица закрыла ведомость и ещё немного подумала.

— Не используйте знакомые лица дворца Фэнъи. И даже если найдёте место, пока внутрь не заходите.

Цинхэ приняла приказ и вышла.

Императрица подняла стоявший рядом остывший чай. Отпила, почувствовала, что вкус уже не тот, и снова поста-

вила чашку.

За окном бегонии были в полном цвету.

Она некоторое время смотрела на них, затем отодвинула чай подальше.

Глава 4 — Наследник престола

Ци Янь вернулся в Юнцзин и на следующее утро, как обычно, присутствовал на придворном совете. Ещё до рассвета перед дворцом Чэнтянь горели ряды фонарей. Чиновники входили через ворота согласно рангу, и под тусклым небом их тёмные придворные одежды сливались в сплошной поток.

Когда евнухи закончили объявлять имена, в большом зале стало тихо; лишь изредка слышался шелест ткани. Ци Янь сидел на троне. По его лицу никто не смог бы догадаться, где он провёл последние несколько дней.

Государственных дел накопилось достаточно.

Поставка зерна на западную границу опаздывала на три дня. Ведомство доходов обвиняло Военное ведомство, а Военное ведомство ссылалось на запущенные почтовые станции в двух округах. Ци Янь выслушал обе стороны, но не позволил им и дальше перебрасывать ответственность друг на друга.

Он спросил Ведомство доходов, когда именно деньги на содержание почтовых станций в этом году были выданы из казны. Затем поинтересовался у Военного ведомства, реквизировали ли гарнизоны на маршруте лошадей согласно установленным правилам.

После двух вопросов чиновники, ещё недавно спорившие

до красноты в лицах, быстро замолчали.

Следом рассматривали весенние наводнения в Цзяннани. В донесении Ведомства общественных работ ущерб речным дамбам оказался заметно меньше того, что описывали местные доклады. Ци Янь велел принести оба документа и прямо посреди зала спросил министра общественных работ, какой из них говорит правду.

Когда министр вышел вперёд, спина у него уже была мокрой от пота. Он долго объяснялся, но в итоге всё равно лишился жалованья за три месяца и получил приказ в установленный срок повторно отправить людей для проверки.

Прошло больше получаса с начала совета, когда из рядов наконец вышел министр ритуалов.

В руках у него не было доклада.

Ци Янь посмотрел на него.

— Только сейчас вспомнили?

Министр ритуалов опустил голову. Голос его был осторожнее обычного.

— Изначально я не собирался поднимать этот вопрос сегодня, ваше величество. Но после выкидыша пин Чжэн несколько дней всё обдумывал и по-прежнему считаю, что откладывать больше нельзя.

Несколько чиновников, до этого поправлявших рукава, тут же замерли.

Ци Янь не торопил его.

Министру ритуалов пришлось продолжить самому.

— Ваше величество правит уже много лет. Несколько госпож внутренних покоев беременели, но ни один императорский ребёнок не дожил до взросления. Столь долгое отсутствие наследника неизбежно вызывает тревогу и при дворе, и в стране. Осмелюсь просить вновь провести в этом году отбор и вызвать в столицу девушек из достойных семей, обладающих крепким здоровьем.

Никто не поддержал предложение сразу.

Все знали, сколько детей императора умерло. Именно поэтому тот, кто первым заговорит сейчас о новом отборе, вынесет на свет то, что понимали все, но никто не хотел произносить прямо перед императором.

Ци Янь откинулся на спинку трона.

— Сколько женщин сейчас во внутренних покоях?

Министр ритуалов замешкался. Ответ он, конечно, знал. Но перечислять перед императором ранги один за другим почему-то было особенно неловко.

После короткой паузы он тихо ответил:

— Помимо императрицы: одна гуйфэй, две фэй, три пин и две гуйжэнь.

Ци Янь легко постучал пальцем по императорскому столу.

— Девять.

Министр продолжал смотреть в пол.

— Девяти недостаточно? Сколько ещё Ведомство ритуалов намерено прислать во дворец?

Несколько чиновников в зале опустили головы ещё ниже.

Министр ритуалов понимал, что безопасного ответа нет. Немного помолчав, он сказал, что отбор — вопрос не только количества. Императорская кровь связана с храмами предков и престолонаследием государства. Если нынешние супруги и дальше не смогут дать наследника, двор не может отказаться от всех остальных возможностей.

Ци Янь не рассердился. Просто некоторое время смотрел на министра.

А затем спросил:

— Вы сказали, что они ничего не дали?

Лицо министра мгновенно изменилось.

Женщины внутренних покоев, разумеется, рожали детей. Многие беременели. Некоторые действительно родили.

Просто ни один ребёнок не выжил.

Он сразу понял, где ошибся в формулировке, и глубоко поклонился, прося прощения.

Ци Янь не стал развивать тему. Лишь велел ему вернуться на место.

В этот момент вперёд вышел глава Палаты императорского рода. Пожилой чиновник был ещё осторожнее министра ритуалов. Прежде чем заговорить, он взглянул на императора, затем на представителей императорского клана, стоявших по обе стороны.

Предложение о новом отборе он не поддержал.

Лишь заметил, что реестры императорского рода уже несколько лет не обновлялись как следует. Следовало снова

внести сведения о возрасте, поведении и учёбе мальчиков из ближайших ветвей рода. И не повредит заранее позаботиться об их достойном образовании.

Слова «усыновление» он не произнёс ни разу.

Но все в зале поняли, что имеется в виду.

Ци Янь посмотрел на него.

— Кого вы считаете подходящим?

На лбу старого чиновника выступил пот.

— Я лишь предложил обновить родовой реестр, ваше величество.

— Реестр ещё даже не обновлён, а вы уже думаете об их образовании.

— Дети императорского рода в любом случае должны получать достойное воспитание.

Ци Янь не стал давить дальше. Опустил глаза на доклад о речных работах, только что положенный на его стол, словно теперь размышлял совершенно о другом.

Чиновник внизу всё ещё стоял на коленях.

Никто в зале не осмелился вмешаться и выручить его.

Лишь после долгого молчания Ци Янь заговорил.

— Обновите реестр клана по обычному порядку.

Чиновник едва успел немного расслабиться, как император добавил:

— Отбор отложить.

Министр ритуалов поднял голову.

Ци Янь уже смотрел на следующего чиновника, ожидав-

шего доклада. Было ясно: вопрос закрыт.

Утренний совет продолжался ещё почти час.

После его окончания Чжэн Юаньшаню велели остаться.

В Императорский кабинет он вошёл с ещё более тяжёлым лицом, чем стоял в большом зале. Исполнив приветствие, так и остался на коленях.

Ци Янь дочитал доклад и лишь потом спросил, что ещё ему нужно.

Тогда Чжэн Юаньшань попросил позволения для своей жены войти во дворец и несколько дней ухаживать за пин Чжэн.

Ци Янь разрешил.

Но Чжэн Юаньшань не поблагодарил и не ушёл сразу. Он ещё долго стоял на коленях. Лишь когда император наконец поднял глаза, заговорил тихо:

— Беременность моей дочери протекала спокойно. Каждый раз, когда её осматривали в Императорском медицинском ведомстве, говорили, что никаких проблем нет. Я не осмелюсь выдвигать бездоказательные обвинения, но выкидыш произошёл слишком внезапно. Я не могу успокоиться.

Ци Янь не стал договаривать за него.

В Императорском кабинете повисла тишина.

Чжэн Юаньшаню пришлось продолжить самому.

— Я хотел бы проверить всех, кто входил в её дворец в те дни, а также всё, что она ела и чем пользовалась.

— Проверяйте.

Чжэн Юаньшань заметно застыл. Он явно не ожидал, что император согласится так быстро.

Ци Янь уже взял следующий доклад.

— Дворцовые дела тоже можно расследовать. Если считаете, что ей причинили вред, найдите доказательства. Не приходите ко мне с одними подозрениями.

Чжэн Юаньшань коснулся лбом пола, благодаря за разрешение, и наконец удалился.

Когда двери закрылись, Ци Янь продолжил читать.

Послеобеденный солнечный свет медленно двигался по решётке окна и добрался до края императорского стола. Ци Янь закончил последний срочный доклад и положил кисть на подставку.

Только тогда евнух снаружи вошёл и доложил, что Гу Тиньюэ и заместитель министра ритуалов всё ещё ждут приёма.

Ци Янь посмотрел на небо.

— Передайте человеку из Ведомства ритуалов, пусть приходит завтра.

Евнух замешкался.

— А господин Гу?

— То же самое.

Евнух принял приказ и вышел.

Ци Янь поднялся и подошёл к окну. Вдалеке виднелся угол покрытых глазурованной черепицей крыш внутренних покоев.

Там жила императрица.

Там жила гуйфэй Гу.

Там жили все те женщины, которые на протяжении многих лет беременели, теряли детей, рожали — и затем снова один за другим хоронили своих детей.

Он посмотрел лишь несколько мгновений и отвернулся.

На столе всё ещё лежал реестр, присланный Палатой императорского рода.

Ци Янь открыл первую страницу. Взгляд ненадолго задержался на первом имени.

Затем он снова закрыл книгу.

Глава 5 — Девять дней

После отъезда Шэнь Яня Сяо Линьби впервые почувствовала, что двор стал немного слишком большим. Она много лет жила одна и никогда не тяготилась тишиной. Потом остался Шэнь Янь. Постепенно дом наполнился его одеждой, книгами, чайной посудой и множеством вещей, которые она сама никогда бы не купила.

После рождения А-Маня даже детский плач посреди ночи стал частью повседневной жизни.

Теперь одного человека не хватало.

Сам двор совсем не изменился, но Сяо Линьби то и дело невольно поглядывала на ворота.

К девятому дню жизни А-Маня большая часть красноты новорождённого уже сошла с его кожи.

В то утро, переодев сына, Сяо Линьби принесла его к окну и долго рассматривала. Чем больше смотрела, тем сильнее убеждалась: брови и глаза всё-таки похожи на отцовские.

После кормления малыш лениво лежал у неё на руках. Маленькая ладошка время от времени двигалась, а стоило пальцам задеть завязки на её одежде, он тут же хватался за них и не хотел отпускать.

Она осторожно разжала его пальчики.

— Знаешь, сколько дней твоего отца нет дома?

А-Мань, разумеется, не ответил.

Сяо Линъи посмотрела на него и сама рассмеялась.

— Ладно. Ты ещё людей толком не видишь. Зачем я тебя спрашиваю?

После полудня небо потемнело, и она велела занести во двор вещи, сушившиеся на верёвке. Повитуха всё ещё жила неподалёку и каждый день заходила проверить Сяо Линъи. Лекарь тоже приходил дважды. Оба говорили, что мать и ребёнок восстанавливаются хорошо.

Они лишь предупреждали её во время послеродового месяца не касаться холодной воды и без нужды не вставать с постели.

Пока они были рядом, Сяо Линъи со всем соглашалась. Стоило им уйти, как она снова перебиралась сидеть к окну.

На закате за воротами наконец послышались шаги.

Сначала она решила, что кто-то принёс припасы из деревни. Но чем ближе становился звук, тем яснее она понимала: шаги другие.

С А-Манем на руках Сяо Линъи поднялась с места, а потом вспомнила, что ей нельзя двигаться слишком быстро. Держась за край стола, она медленно дошла до двери.

Когда дверь открылась, снаружи стоял Шэнь Янь.

Подол его одежды был покрыт пылью, словно он проделал долгий путь без остановок. Даже волосы выглядели менее аккуратно, чем обычно дома.

Сяо Линъи несколько мгновений молча смотрела на него.

Все жалобы, которые она заранее приготовила, вдруг за-

стряли в горле.

Получилось сказать только тихо:

— Ты вернулся?

Шэнь Янь переступил порог.

— Мм.

Сначала он посмотрел на неё, затем опустил взгляд на ребёнка у неё на руках.

Заметив, что он продолжает смотреть на А-Маня, Сяо Линъи почувствовала, как больше половины накопившейся маленькой обиды сразу исчезло. Она просто протянула малыша к нему.

— Смотри. Он сильно изменился, правда?

Прежде чем взять сына, Шэнь Янь снял верхнюю одежду. На этот раз движения были заметно увереннее, чем в день рождения. Он уже без прежней скованности поддерживал ладонью шею ребёнка.

А-Мань недавно поел и ещё не спал. Оказавшись на чужих руках, он не заплакал. Только открыл глаза и смотрел в сторону света.

Сяо Линъи снова села у кровати и некоторое время наблюдала за отцом и сыном.

— Разве теперь он не ещё больше похож на тебя?

Шэнь Янь посмотрел на малыша и не ответил сразу.

Сяо Линъи уже привыкла, что на подобные вопросы он реагирует небыстро. Она протянула руку и коснулась переносицы А-Маня.

— Вот это больше всего твоё. Повитуха сегодня тоже сказала. Когда он немного подрастёт, любой сразу поймёт, что он твой сын.

Шэнь Янь поднял глаза.

— Любой?

— Люди внизу, у подножия горы.

Сяо Линьи не заметила ничего особенного в вопросе. Она опустила голову и стала складывать высохшую детскую одежду.

Тело ещё не восстановилось полностью. Если сидела слишком долго, начинала болеть поясница. Двигалась она медленнее обычного, иногда останавливалась даже посреди того, как складывала одну вещь.

Положив ребёнка обратно в колыбель, Шэнь Янь спросил, как она себя чувствует.

Сяо Линьи ответила быстро: почти ничего уже не болит, лекарь сказал, что всё восстанавливается хорошо.

Тогда Шэнь Янь спросил, вовремя ли она каждый день принимает лекарство.

Голос Сяо Линьи сразу стал заметно тише.

Он посмотрел на неё.

Она развернула только что сложенную детскую рубашечку и начала медленно складывать её заново, будто не заметила его взгляда.

Шэнь Янь сел рядом.

— Сколько раз в день?

— Я пью.

— Сколько раз?

Сяо Линъи поджала губы.

Лекарство было ужасно горьким. После каждой чаши вкус оставался во рту почти полдня. Лекарь прописал три приёма. утром, днём и вечером.

Но последние дни она всё время находила причину пропустить дневную порцию. Иногда, если чувствовала себя совершенно нормально, откладывала и вечернюю — пока не забывала о ней совсем.

Она знала: когда Шэнь Янь становился серьёзным, обмануть его было трудно.

— Два раза, — тихо призналась она.

Он не ответил сразу.

Сяо Линъи подняла на него глаза.

— Оно правда очень горькое.

— А засахаренные фрукты?

— Закончились.

— Завтра попрошу купить ещё.

— Я не хочу пить три раза.

Шэнь Янь взял детскую одежду, которую она сложила криво, и аккуратно переложил заново. Тон его оставался совершенно будничным.

— Тогда скажи это лекарю.

Сяо Линъи всё поняла.

Если она действительно осмелится сказать лекарю в лицо,

что сама сократила дозу только потому, что лекарство горькое, тот, вероятно, будет читать ей нотации не меньше получаса.

Она неохотно кивнула.

— Знаю.

Шэнь Янь убрал вещь. Только после этого поднял руку и погладил её по щеке.

Сяо Линъи только что думала о третьей чаше лекарства, но это прикосновение напомнило о том, что на самом деле тревожило её последние дни.

— В следующий раз, когда уйдёшь, можешь заранее сказать хотя бы примерно, на сколько дней?

Рука Шэнь Яня замерла возле её уха.

Она не сердилась. Говорила тихо, глядя на спящего в колыбели ребёнка.

— Раньше, когда ты уходил один, мне казалось, что несколько дней ничего не значат. А теперь есть А-Мань. И я всё думаю, вдруг ты снова исчезнешь надолго.

Сказав это, она, кажется, решила, что прозвучало слишком похоже на жалобу, и подняла глаза с лёгкой улыбкой.

— Я не говорю, что тебе нельзя уходить.

Шэнь Янь смотрел на неё.

Наконец сказал:

— В следующий раз предупрежу.

Сяо Линъи кивнула.

И снова не спросила, куда именно он ездил.

Той ночью А-Мань снова заплакал. В тихом горном доме детский крик звучал особенно громко.

Сяо Линъи едва успела проснуться, а Шэнь Янь уже поднялся с кровати. Во время послеродового месяца она всё ещё быстро уставала, поэтому вскоре снова откинулась на подушки и смотрела, как он достаёт малыша из колыбели.

А-Мань плакал, пока лицо не стало ярко-красным.

Шэнь Янь сначала проверил пелёнки, потом подержал его некоторое время. Плач не прекращался.

Послушав, Сяо Линъи с кровати предположила:

— Наверное, голодный.

Шэнь Янь принёс ребёнка обратно.

После кормления А-Мань наконец затих и вскоре уснул прямо у матери на руках.

Сяо Линъи смотрела вниз. Глаза от усталости уже закрывались, но положить малыша обратно в колыбель она всё равно не могла себя заставить.

Шэнь Янь протянул руки.

— Спи.

На этот раз она не стала упрямиться. Только напомнила ему проследить, чтобы одеяло не закрывало ребёнку лицо, и снова легла.

Вскоре в комнате стало совсем тихо.

Шэнь Янь не сразу положил А-Маня в колыбель.

Он сидел возле кровати, одной рукой поддерживая спину ребёнка. А-Мань спал глубоко. Маленькая грудь ровно под-

нималась и опускалась, дыхание едва касалось края пелёнки.

Шэнь Янь долго смотрел на него.

Наконец его пальцы легли сбоку на шею малыша.

Через мгновение он убрал руку.

Положил А-Маня обратно в колыбель и наклонился, поправляя вокруг него одеяло.

Сяо Линъи во сне повернулась.

Шэнь Янь посмотрел на неё. Она не проснулась, но одна рука бессознательно потянулась в сторону колыбели.

Он ещё некоторое время сидел рядом, а потом вернулся в постель.

* * *

В тот же вечер госпоже Чжэн наконец разрешили войти во дворец.

Когда она вошла в покои пин Чжэн, дочь заметно похудела. В комнате сильно пахло лекарствами. На столе рядом стояло несколько почти нетронутых чаш с питательной едой.

Увидев госпожу Чжэн, дворцовая служанка сразу покраснела глазами.

Пин Чжэн одним взглядом велела ей выйти.

Только когда дверь закрылась, госпожа Чжэн осмелилась сесть у кровати. Она потянулась к лицу дочери.

Едва успела произнести:

— Ты столько перенесла...

Пин Чжэн отвернула голову, не давая ей продолжить.

— Мама, остатки лекарства с того дня ещё сохранились?

Рука госпожи Чжэн застыла в воздухе.

Лицо дочери оставалось бледным, однако голос уже снова обрёл силу.

— Я всё обдумала. За три дня до выкидыша императорский лекарь проверял пульс и сказал, что беременность протекает нормально. В то утро я не падала, не касалась ничего, чего не следовало. А меньше чем через час после лекарства у меня заболел живот.

Госпожа Чжэн внимательно посмотрела на дочь. Скорбь на её лице постепенно сменилась настороженностью.

— Ты подозреваешь лекарство?

— Не знаю.

Пин Чжэн закрыла глаза.

Она всё ещё помнила боль той ночи. После того как ребёнок вышел, она даже успела его увидеть. Маленький комочек крови и плоти дворцовые слуги поспешно завернули в ткань.

Она плакала так сильно, что почти ничего вокруг не слышала. Помнила только, как цеплялась за край кровати и спрашивала лекаря: почему?

Теперь, когда всё успокоилось, многие детали вернулись.

— Человек, который принёс лекарство, умер на следующий день.

Выражение лица госпожи Чжэн резко изменилось.

— Кто тебе сказал?

— Цинчжи проверила. Говорят, ночью служанка упала в колодец. Когда её вытащили, она уже была мертва.

Госпожа Чжэн перестала утешать дочь. Долго сидела рядом и думала.

Наконец велела пока никому ничего не говорить и быть осторожной даже с самыми близкими людьми.

Пин Чжэн выслушала и протянула матери лист бумаги из-под подушки.

На нём было написано несколько имён.

— Вынеси это из дворца.

Госпожа Чжэн взяла лист. Пальцы невольно сжались.

— Как далеко ты намерена зайти?

Пин Чжэн посмотрела на неё.

— Пока не узнаю, кто это сделал.

На этот раз госпожа Чжэн не стала отговаривать.

Перед уходом она ещё раз поправила одеяло на дочери.

Пин Чжэн так и не заплакала.

Только когда дверь снова закрылась, она положила ладонь на теперь уже плоский живот.

Снаружи тихо разговаривали дворцовые служанки. Она немного послушала и задёрнула занавеси кровати.

Во дворце гуйфэй Гу той ночью тоже долго не гасли лампы.

Рядом с её рукой лежало сообщение, присланное днём из резиденции Гу.

В Ведомстве ритуалов действительно собирались поднять вопрос о новом отборе, и на утреннем совете тема уже прозвучала. Император не согласился. Лишь сказал отложить.

Прочитав сообщение, гуйфэй Гу сложила бумагу и сожгла над свечой.

Личная служанка стояла рядом и осторожно спросила, следует ли семье Гу продолжать давить на Ведомство ритуалов.

Гуйфэй Гу не ответила сразу. Она сидела перед туалетным столиком и снимала последнюю шпильку. Длинные волосы рассыпались по плечам.

Спустя несколько мгновений она посмотрела на служанку через бронзовое зеркало.

— Давить зачем? Его величество сам отказал. Если семья Гу сейчас начнёт торопиться, будет выглядеть так, будто я боюсь новых женщин во дворце.

Служанка больше ничего не сказала.

Гуйфэй Гу дважды провела гребнем по волосам, а потом внезапно спросила:

— В Императорском кабинете в последнее время появились новые люди?

— Нет.

— Евнухи?

— Там тоже ничего необычного.

Рука гуйфэй Гу остановилась.

Больше она ни о чём не спрашивала. Передала гребень служанке и велела завтра продолжать следить за тем, кто приходит к императору и уходит от него.

Фэй Се получила меньше сведений, чем гуйфэй Гу.

Она даже не отправляла людей расспрашивать Ведомство ритуалов.

Вечером, когда служанка разбирала ей волосы, та упомянула, что госпожа Чжэн наконец встретилась с пин Чжэн. А ещё сказала, что женщины из дворца пин Чжэн тихо расспрашивали о человеке, который принёс лекарство в день выкидыша.

Фэй Се посмотрела на служанку через зеркало.

— Пусть спрашивает.

— А если она действительно что-то найдёт...

Фэй Се подняла руку, забрала шпильку из пальцев служанки и сама положила обратно в шкатулку.

— Она потеряла ребёнка. Ты хочешь сказать, ей даже расследовать нельзя?

Служанке нечего было ответить.

Фэй Се объяснять не стала. Лишь велела заново привести в порядок записи обо всех лекарственных ингредиентах, поступавших в их собственный дворец за последний месяц. Если хоть одной записи не хватает — восстановить.

Пин Хэ тем временем получила известие, которое показалось ей куда интереснее.

В тот день после полудня Вэй Чэн снова покинул дворец. На этот раз ненадолго и вернулся до темноты. Где был — никто не знал.

Молодой евнух, отвечавший за закупки за пределами внутренних покоев, не смел приближаться к людям импера-

тора. Он лишь услышал от знакомого конюха, что Вэй Чэн в последнее время довольно часто пользуется лошадьми не из дворцовых конюшен.

Пин Хэ слушала, медленно снимая кожицу с виноградины.

Лишь закончив, она отпустила его.

Она не стала сразу посылать кого-нибудь следить за Вэй Чэном. На следующий день под предлогом покупки благовоний отправила через служанку другого человека в несколько лавок к югу от города, которые регулярно поставляли во дворец корм для лошадей.

Во дворце Фэнъи сведения приходили ещё медленнее.

Люди Цинхэ по-прежнему не выяснили, куда на самом деле ездил Вэй Чэн. Но смогли подтвердить: за последние месяцы он несколько раз менял лошадей за пределами города.

Записи оказались разбросаны по разным местам.

Некоторые лавки даже не записывали имена, только указывали, кто расплатился.

Императрица долго изучала переписанные счета при свете лампы. Цинхэ стояла рядом и не смела торопить.

Наконец императрица вынула один лист из общей стопки.

Запись относилась к конюшне более чем в десяти ли к югу от южных ворот Юнцзина. За чуть больше месяца люди Вэй Чэна появлялись там трижды.

Императрица не велела сразу проверять конюшню. Она сложила лист, положила на самое дно шкатулки под осталь-

ные бумаги и приказала на следующий день отправить туда совершенно постороннего человека.

Тот должен был несколько дней оставаться поблизости и просто наблюдать, какие посетители обычно приходят и уходят.

Цинхэ спросила:

— А если евнух Вэй снова появится там?

— Смотреть.

— Следовать за ним?

Императрица закрыла шкатулку.

— Если он действительно что-то скрывает для его величества, вы броситесь за ним сейчас — и он просто снова от вас уйдёт. Сначала выясни, кто выходит из этого места и куда потом направляется.

Цинхэ кивнула и вышла.

Фитиль лампы стал слишком длинным. Императрица протянула руку и подрезала его. Пламя снова стало ровным.

К счетам она не вернулась. Немного посидела, затем позвала служанку снять украшения с волос.

В тот же час погасла лампа и в горном доме.

Сяо Линьи уже спала.

А-Мань лежал в колыбели, время от времени шевеля рукой. Шэнь Янь ещё не спал.

Ребёнок заворочался, одна маленькая ладошка выбралась из пелёнки и ухватила за тканевую завязку на боку колыбели.

Шэнь Янь наклонился и спрятал руку обратно.

Не просыпаясь, А-Мань снова потянулся наружу и на этот раз схватил его за палец.

Хватка была совсем слабой. Пять крошечных пальчиков едва охватывали часть одного сустава.

Шэнь Янь не стал высвобождаться.

Он сидел возле колыбели, пока маленькая ладонь сама не разжалась.

Только после этого погасил лампу.

Глава 6 — Имя Чжиань

После того как А-Маню исполнился месяц, в горах с каждым днём становилось теплее. Первое, что сделала Сяо Линъи после окончания послеродового месяца, — дождалась, когда Шэнь Янь уйдёт из дома, а затем сама дошла до небольшого ручья за горой и немного посидела там.

Так далеко она не уходила больше месяца.

Хотя на деле это «далеко» означало всего пятнадцать минут ходьбы от двора.

Но ещё с беременности Шэнь Янь говорил об этой тропе так, словно она вела вдоль опасного обрыва. На земле мох — ходить нельзя. После дождя камни скользкие — нельзя. Солнце слишком яркое — тоже нельзя.

Если поднимался ветер, судя по всему, выходить тоже не следовало.

Теперь Сяо Линъи уже восстановилась. Даже повитуха сказала, что можно двигаться как обычно. И всё же Шэнь Янь каждый день следил, чтобы она выпила лекарство, поела и поспала после обеда. Стоило ей подержать ребёнка чуть дольше, он тут же протягивал руки и забирал его.

Сяо Линъи сидела на большом камне у ручья и едва касалась воды носком туфли. В конце весны ручей всё ещё оставался прохладным.

Она просидела совсем недолго, когда за спиной раздались

шаги.

Оборачиваться не требовалось, чтобы понять, кто пришёл.

Шэнь Янь остановился позади и молчал.

Сяо Линъи нарочно продолжала смотреть на воду.

Наконец он спросил:

— Как ты сюда добралась?

— Пешком.

— Это я вижу.

Только тогда Сяо Линъи повернулась. На губах уже была лёгкая улыбка человека, прекрасно понимающего, что он сделал именно то, чего делать не следовало.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Шэнь Янь посмотрел на влажные камни у её ног, затем на обувь с тонкой подошвой. Брови тут же сошлись.

— Вставай.

— Я только села.

— Здесь холодно.

— Этот камень всё утро был на солнце. Он совсем не холодный.

Шэнь Янь спорить дальше не стал. Наклонился, поднял стоявшую рядом бамбуковую корзину и протянул руку.

Сяо Линъи посмотрела на неё.

В последнее время ей всё чаще казалось, что он становится похож на старших, которые её вырастили.

Разница была только одна: когда те проигрывали ей спор,

они вздыхали. Шэнь Янь обычно обходился без вздоха и просто делал то, что всё равно решил сделать.

— Я сама могу идти.

— Земля скользкая.

— Мне двадцать, а не два.

— А-Маню один месяц.

Сяо Линъи нахмурилась.

— При чём тут А-Мань?

— Если упадёшь, кто будет за ним смотреть?

На этот раз ответа у неё не нашлось.

Шэнь Янь уже взял её за запястье и помог подняться с камня.

По дороге домой Сяо Линъи нарочно шла медленнее обычного. Шэнь Янь её не торопил.

Он лишь придерживал её на влажных каменных ступенях. Как только дорога становилась ровной, тут же отпускал.

Всё это было настолько естественно, что долго сердиться на него у Сяо Линъи почти никогда не получалось.

Когда они дошли до ворот двора, из дома слышался детский плач.

Сяо Линъи мгновенно забыла, что только что дулась, подхватила юбку и собралась ускорить шаг.

Сзади раздался голос Шэнь Яня:

— Медленнее.

И она действительно пошла медленнее.

Но себе под нос всё же пробормотала:

— Вечно командует.

Шэнь Янь услышал.

— Что ты сказала?

— Я сказала, А-Мань плачет.

Он посмотрел ей вслед и не стал разоблачать.

А-Мань уже перестал быть красным и сморщенным новорождённым. После первого месяца черты лица начали понемногу оформляться. Брови и нос всё ещё напоминали Шэнь Яня, а в глазах постепенно появлялось что-то от Сяо Линьи — особенно сразу после сна, когда ребёнок лежал и с мягким любопытством осматривал всё вокруг.

Недавно он начал узнавать голоса.

Стоило Сяо Линьи подойти ближе, как плач становился тише. А едва она брала сына на руки, он почти сразу успокаивался.

Она посидела у кровати, некоторое время укачивая его, и вдруг вспомнила о том, что они откладывали уже несколько дней.

— Мы ведь не можем всю жизнь звать его А-Манем?

Шэнь Янь налил воду и посмотрел в её сторону.

— Какое имя хочешь?

— Я несколько дней думаю.

Она опустила взгляд на ребёнка.

— Чжиань.

Рука Шэнь Яня остановилась.

Сяо Линьи высвободила из пелёнки маленькую ладонь и

позволила малышу ухватиться за её палец.

— Шэнь Чжиань. Как тебе?

— Почему Чжиань?

— Ему не нужны ни великое богатство, ни высокий ранг.

И не обязательно уезжать далеко.

Она улыбнулась ребёнку.

— Если он узнает, что такое спокойная и безопасная жизнь, этого достаточно.

Шэнь Янь долго ничего не говорил.

Сяо Линъи подняла глаза.

— Не нравится?

— Нравится.

— Тогда решили?

— Мм.

— Опять это твоё «мм».

Шэнь Янь принёс чашку и подал ей.

— Шэнь Чжиань.

Услышав имя из его уст, Сяо Линъи понравилось оно ещё сильнее. Она наклонилась к ребёнку.

— Слышал? Теперь у тебя есть настоящее имя.

Чжиань, разумеется, ничего не понял. Широко зевнул и лишь крепче сжал палец матери.

Шэнь Янь стоял возле кровати и смотрел на них двоих. Взгляд немного задержался на лице ребёнка, затем он отвернулся и чуть шире открыл окно.

В последнее время Сяо Линъи всё чаще замечала, как ред-

ко он говорит о прошлом.

Раньше это её не беспокоило. У каждого есть вещи, о которых не хочется рассказывать. У неё самой тоже.

Но после рождения ребёнка некоторые вопросы стали ощущаться иначе.

Она знала, что Шэнь Янь на тринадцать лет старше. Знала, что он жил в столице. Знала, что его семья когда-то наверняка была состоятельной: он слишком хорошо разбирался в дорогих вещах, а многие его привычки совсем не походили на привычки человека из обычной торговой семьи.

Она также знала, что он уже видел новорождённых.

Только не знала, чьими были те дети.

В ту ночь Чжиань уснул рано. Сяо Линъи только что вымыла волосы и сидела возле кровати, вытирая их.

Шэнь Янь вошёл, увидел, что волосы всё ещё мокрые, нахмурился и забрал у неё ткань.

— Я сама могу.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что могу.

Шэнь Янь встал за её спиной и начал сушить волосы, ничего не отвечая.

Сяо Линъи некоторое время сидела молча.

А потом вдруг спросила:

— А-Янь, у тебя раньше были дети?

Движение за её спиной остановилось.

В бронзовом зеркале она увидела его лицо.

Шэнь Янь не стал сразу отрицать.

Подождав немного, Сяо Линъи повернулась.

— Если не хочешь говорить, можешь не говорить.

— Были.

Ответ прозвучал прямее, чем она ожидала.

Сяо Линъи замерла.

Шэнь Янь отложил ткань и сел рядом. В комнате горела всего одна лампа.

Неподалёку в колыбели спал Чжиань, изредка едва слышно посапывая.

— Сколько?

Едва вопрос прозвучал, Сяо Линъи поняла, что спросила слишком прямо, и поспешно добавила:

— Я только потому спрашиваю, что раньше ты говорил, что видел новорождённых.

Шэнь Янь опустил взгляд на свои руки.

— Много.

Она ожидала услышать «один», максимум «два».

Выражение её лица изменилось.

— Много?

— Мм.

Сяо Линъи открыла рот, но вдруг поняла, что вообще не знает, что спрашивать дальше.

Шэнь Янь от темы не уходил.

— Когда-то у моей семьи были деньги. И положение было. Старшие устроили для меня несколько браков. Потом дома

начались проблемы. Всё, что можно было продать, продали. Все, кто мог уйти, ушли.

Он говорил ровно, словно рассказывал историю человека, не имеющего к нему отношения.

— А дети?

Голос Сяо Линъи стал тише.

— Их больше нет.

Она застыла.

Шэнь Янь продолжил:

— Некоторые умерли вскоре после рождения. Некоторые прожили несколько месяцев. Один — дольше остальных.

Сяо Линъи посмотрела на колыбель.

Чжиань крепко спал.

Спустя некоторое время она протянула руку и взяла Шэнь Яня за запястье.

— Они все болели?

Шэнь Янь ненадолго замолчал.

— Некоторые умерли от болезни. Других не смогли защитить после того, как в семье начались неприятности.

В этом ответе оставалось много недосказанного.

Сяо Линъи не стала спрашивать дальше.

Вместо этого вдруг вспомнила все странности, появившиеся у него после рождения Чжианя.

Иногда Шэнь Янь без причины просыпался посреди ночи и касался лба ребёнка. Спрашивал, не горячий ли он, достаточно ли поел. Иногда, если малыш спал слишком тихо,

Шэнь Янь некоторое время просто стоял возле колыбели и только потом уходил.

Раньше Сяо Линъи считала, что новый отец просто слишком нервничает.

Теперь у этих привычек появилось объяснение.

— Поэтому ты всё время его проверяешь?

Шэнь Янь посмотрел на неё.

Ладонь Сяо Линъи уже легла поверх его руки.

— Боишься, что с Чжианем тоже что-нибудь случится?

Он не ответил.

Сяо Линъи приняла молчание за ответ и чуть придвинулась ближе.

— Не случится.

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— Чжиань здоров. Лекарь говорит это каждый раз, когда приходит. Тебе не нужно каждую ночь вставать и проверять, дышит ли он. Я, между прочим, знаю, что ты это делаешь.

Наконец в лице Шэнь Яня что-то изменилось.

— Ты не спишь?

— Иногда.

Сяо Линъи посмотрела на их руки. Немного подумала и крепче сжала его пальцы.

— Твоих прежних детей больше нет. Я не могу вернуть их тебе. Но Чжиань здесь. Мы хорошо его вырастим.

Она говорила совершенно серьёзно.

Шэнь Янь не убрал руку.

Когда Сяо Линьби подняла глаза, он коснулся её лица и медленно провёл большим пальцем по щеке.

— А про прежних женщин спрашивать не будешь?

Разумеется, она о них думала. Столько детей не появляются из ниоткуда.

Но раз Шэнь Янь уже рассказал ей столько, выпрашивать подробности о женщинах из прошлого вдруг показалось совершенно бессмысленным.

— Они ещё есть?

— Нет.

— А.

Шэнь Янь подождал.

— И всё?

Сяо Линьби посмотрела на него.

— А что ещё мне делать? Разыскать их по одной и спрашивать, любил ли ты их когда-то?

Даже ей самой фраза показалась неловкой. Она отвернулась и потянулась к непросушенной части волос.

Шэнь Янь рассмеялся.

Сяо Линьби увидела это в зеркале и сразу повернула голову.

— Чему смеёшься?

— Ничему.

— В последнее время ты очень странный.

Шэнь Янь снова забрал у неё ткань.

— Волосы ещё мокрые.

Сяо Линъи вздохнула и повернулась обратно, позволяя ему продолжить.

Но всё равно не удержалась и пробормотала:

— Я же говорю, во всём остальном ты хороший. Только очень любишь всем командовать.

Стоя позади, Шэнь Янь продолжал вытирать ей волосы.

— Ты только сейчас заметила?

Сяо Линъи сердито посмотрела на него через зеркало.

Из колыбели вдруг донёсся тихий звук.

Они оба мгновенно повернули головы.

Чжиань пошевелился и почти сразу снова затих.

Лицо Сяо Линъи тут же смягчилось.

Она не заметила, что мужчина за её спиной ещё долго смотрел на ребёнка и лишь потом опустил глаза.

Глава 7 — Та чаша лекарства

К тому времени, когда пин Чжэн действительно смогла снова встать с постели, прошёл почти месяц. После выкидыша она сильно похудела. Дворцовые одежды, прежде сидевшие как раз по фигуре, теперь висели свободно, и даже если затянуть пояс на два цуня туже, место всё равно оставалось.

Императорский лекарь велел ей продолжать отдыхать. На третий день после того, как она смогла стоять на ногах, пин Чжэн приказала перенести письменный стол к окну и разложила на нём всё, что им удалось выяснить за время её восстановления.

Госпожа Чжэн снова вошла во дворец. Мать и дочь закрыли двери.

На столе лежало несколько листов, принесённых снаружи. На одном было имя дворцовой служанки, доставившей лекарство. На следующий день после выкидыша она погибла в колодце.

Другой лист был записью из Императорского медицинского ведомства с перечнем выданных лекарственных ингредиентов. Одна строка явно была вписана позже — другими чернилами.

Пин Чжэн долго смотрела на неё.

— Этот человек служит гуйфэй Гу?

Госпожа Чжэн не ответила сразу. Перевернула лист и ещё раз внимательно его осмотрела.

— Евнуха, который в тот день заходил в боковой зал, зовут Фуцюань. Он служит гуйфэй Гу уже восемь лет. После того как лекарство принесли в твой дворец, оно примерно четверть часа стояло в боковом зале. Одна из служанок сказала, что именно в это время приходил Фуцюань. Он передал, будто Её Высочество узнала, что тебя сильно мучает тошнота, и специально прислала коробку засахаренных фруктов.

Пальцы пин Чжэн сильнее прижались к бумаге.

Конечно, она помнила ту коробку.

Она так ничего из неё и не съела. Уже тогда ей показалось странным, что гуйфэй Гу вдруг решила что-то прислать, поэтому коробку велели убрать в шкаф.

— Где он сейчас?

— Фуцюань всё ещё во дворце.

Едва госпожа Чжэн договорила, пин Чжэн поднялась.

Тело ещё не восстановилось полностью. Она встала слишком резко, перед глазами потемнело, пришлось ухватиться за край стола.

Госпожа Чжэн тут же попыталась поддержать дочь, но та вскоре высвободила руку.

— Я хочу увидеть императрицу.

Госпожа Чжэн нахмурилась.

— Сейчас?

— Сейчас.

Переодевшись, пин Чжэн сразу направилась во дворец Фэнъи.

Императрица не заставила её долго ждать снаружи. Когда пин Чжэн вошла, та как раз просматривала дворцовые счета. Поклон пин Чжэн всё ещё был немного скованным, и императрица, лишь взглянув на неё, велела принести кресло.

Пин Чжэн не села.

Она положила принесённые бумаги на стол.

— Ваше величество, я прошу расследовать одного человека.

Императрица взяла верхний лист. Увидев имя Фуцюаня, не задержала на нём взгляд надолго.

— Человек из дворца гуйфэй Гу?

— Да.

Губы пин Чжэн оставались бледными.

— Лекарство, которое я выпила в тот день, после доставки некоторое время стояло в боковом зале моего дворца. Фуцюань был там и принёс вещь из дворца гуйфэй Гу. Служанка, доставившая лекарство, умерла на следующий день. А записи Императорского медицинского ведомства после этого кто-то изменил.

Императрица прочла каждый лист.

Пин Чжэн по-прежнему стояла.

— Насколько далеко ты хочешь расследовать?

Пин Чжэн подняла голову.

— До конца.

Императрица некоторое время смотрела на неё. Затем вернула бумаги на стол и позвала Цинхэ.

— Приведи Фуцюаня.

Весть быстро разошлась по внутреннему дворцу.

Фуцюань много лет служил гуйфэй Гу и управлял значительной частью её дворцовых дел. Даже женщины более низкого ранга обычно старались его не задевать.

Если дворец Фэнъи внезапно схватил его, гуйфэй Гу вряд ли могла сделать вид, что ничего не знает.

Не прошло и часа, как она прибыла.

Вошла с мрачным лицом. В отличие от обычных утренних приветствий, не стала неторопливо проходить внутрь и садиться. Выполнив поклон, сразу посмотрела на Фуцюаня, стоявшего на коленях.

Лицо у него стало серым. Лоб уже был разбит от поклонов до земли.

Рядом разложили несколько вещей, найденных в его комнате. Среди них — пакет с лекарственным порошком, который ещё не успели использовать до конца.

Гуйфэй Гу коротко взглянула на него и повернулась к императрице.

— Ваше величество, что всё это значит?

Императрица не предложила ей сесть.

— След лекарства, вызвавшего выкидыш пин Чжэн, привёл к твоему дворцу.

Гуйфэй Гу коротко рассмеялась. Тепла в этом смехе не было.

— И поэтому ваше величество арестовали моего слугу?

Пин Чжэн тоже находилась в зале. Она сидела сбоку, всё ещё бледная. Услышав слова гуйфэй Гу, медленно сжала пальцы.

Императрица подтолкнула пакет с порошком вперёд.

— Его нашли в комнате Фуцюаня.

Гуйфэй Гу даже не посмотрела.

— Достаточно найти что-то в комнате слуги, чтобы обвинить меня?

Императрица подняла глаза.

— Когда я сказала, что обвиняю тебя?

Ответ заставил гуйфэй Гу замолчать.

Снаружи уже начали собираться люди. Такое дело всё равно невозможно было удержать в тайне. Фэй Се, пин Су, пин Хэ и ещё несколько женщин получили известие в разное время.

В конце концов императрица просто велела пригласить женщин более высокого ранга внутрь, вместо того чтобы позволить каждому дворцу строить собственные догадки.

Чем больше людей входило, тем тише становился дворец Фэнъи.

Пин Хэ села ближе к задней части зала. Её взгляд переходил от Фуцюаня к гуйфэй Гу и обратно. Она не сказала ни слова.

Фэй Се сделала один глоток чая и поставила чашку. Пин Су с самого входа смотрела на доказательства на столе.

Фуцюань уже признал часть вины.

Лекарство достал он.

Он же заплатил человеку, чтобы тот изменил записи Императорского медицинского ведомства.

А объяснение, почему он навредил ребёнку пин Чжэн, упрямо повторял одно и то же.

Семья Чжэн слишком быстро усиливалась. Пин Чжэн была беременна.

Если бы ребёнок благополучно родился, рано или поздно она могла бы затмить гуйфэй Гу.

Фуцюань утверждал, что прослужил госпоже столько лет, понимал её тревоги и потому действовал по собственной инициативе.

Лицо гуйфэй Гу окончательно потемнело.

— Пёс.

Стоявший на коленях Фуцюань заметно задрожал.

Гуйфэй Гу больше на него не смотрела. Повернулась к императрице.

— Он служил мне восемь лет и совершил такое преступление. Разумеется, я виновата в том, что плохо следила за своим дворцом. Но если кто-то намерен одним евнухом повесить на меня убийство императорского ребёнка, слишком уж это удобно.

Пин Чжэн резко подняла голову.

— Фуцюань — ваш человек.

Только тогда гуйфэй Гу посмотрела на неё.

— У меня много слуг. Если один из них выйдет на улицу и убьёт кого-нибудь, это будет означать, что нож держала лично я?

Лицо пин Чжэн стало белым.

Она уже собиралась ответить, когда императрица подняла руку.

В зале снова стало тихо.

Императрица посмотрела на Фуцюаня.

— Ты знаешь наказание за вред императорскому ребёнку?

Фуцюань распростёрся на полу, прижав лоб к холодной плитке. Голос дрожал.

— Этот слуга... этот слуга знает.

Императрица не позволила ему продолжить.

— Увести.

Гуйфэй Гу повернулась к ней.

— Ваше величество.

Императрица наконец снова посмотрела на неё.

Гуйфэй Гу стояла совершенно прямо. От холодной насмешки, с которой она вошла, не осталось и следа.

— Раз расследование дошло до этого, почему останавливаться здесь?

Несколько женщин одновременно подняли головы.

Императрица осталась сидеть.

— Как, по-твоему, следует расследовать дальше?

— Узнать, кто дал Фуцюаню лекарство. Узнать, кто изменил записи для него. Узнать, стоял ли кто-то за его спиной. Евнух осмелился поднять руку на императорского ребёнка. Неужели ваше величество действительно считает, что ему одному хватило бы такой смелости?

Императрица посмотрела на неё.

— Ты права.

Брови гуйфэй Гу едва заметно дрогнули.

Императрица продолжила:

— Поэтому всё это уже проверили. Человек, который достал лекарство, мёртв. Тот, кто изменил записи, признался, что Фуцюань заплатил ему.

Она сделала короткую паузу.

— На данный момент все доказательства заканчиваются на нём.

Лицо гуйфэй Гу стало ещё мрачнее.

— И?

— И на этом дело заканчивается.

В зале никто не заговорил.

Первой отреагировала пин Чжэн. Её лицо изменилось. Она смотрела на императрицу, словно не могла поверить услышанному.

Гуйфэй Гу, напротив, очень долго молча смотрела на неё.

Она прекрасно поняла.

Императрица её защитила.

Но такая «защита» ощущалась почти как пощёчина на

глазах у всех.

Самого доверенного евнуха выставили вперёд, чтобы он понёс вину. И теперь, перед всеми женщинами внутренних покоев, гуйфэй Гу должна была принять решение императрицы: дело закончено.

Фуцюаня потащили наружу.

Проходя мимо гуйфэй Гу, он поднял голову.

Она на него не посмотрела.

Шаги за дверью удалялись всё дальше.

Лишь после этого императрица заговорила снова.

— Гуйфэй Гу не смогла должным образом управлять своим дворцом. Десять дней не покидать свои покои и лишиться жалованья за три месяца. Фуцюань причинил вред императорскому ребёнку — наказать согласно закону. Всех дворцовых слуг, замешанных в этом деле, передать в Ведомство наказаний.

Гуйфэй Гу всё ещё стояла.

Фэй Се опустила голову и поправила рукав, словно совершенно не заметила, каким стало лицо гуйфэй.

Пин Хэ склонилась к чашке. Скрывала выражение, будто ей очень хотелось рассмеяться, не особенно хорошо.

Наконец гуйфэй Гу повернулась, собираясь уйти.

Перед этим она бросила взгляд на пин Чжэн.

В том взгляде не было ни капли извинения.

Пин Чжэн смотрела в ответ.

Ни одна не произнесла ни слова.

Только когда гуйфэй Гу действительно ушла, пин Хэ вздохнула, словно просто делилась случайным наблюдением.

— Фуцюань столько лет служил Её Высочеству. Какая удивительная преданность.

Фэй Се посмотрела на неё.

— Сегодня ты говоришь так мало, пин Хэ. Я уже начала думать, что ты изменилась.

Пин Хэ улыбнулась.

— Сегодня лишнее слово — лишняя ошибка.

Пин Су в их разговор так и не вмешалась.

Она лишь посмотрела на пин Чжэн.

Та сидела без малейшего удовлетворения на лице. Пальцы по-прежнему крепко сжимали подлокотники.

Она нашла виновного.

Но не нашла ответа, который искала.

Императрица уже снова опустила глаза и взяла бумаги.

— Все свободны.

Никто не остался.

Дворец Фэнъи вскоре снова стих.

К тому времени, когда вернулась Цинхэ, процессии гуйфэй Гу снаружи уже не было слышно.

Императрица сложила признание Фуцюаня и убрала в шкатулку.

Цинхэ стояла рядом.

После небольшой паузы всё же спросила:

— Ваше величество, вы действительно не намерены продолжать расследование?

Императрица подняла глаза.

Цинхэ сразу поняла, что сказала лишнее, и опустила голову.

Наказывать её не стали.

Императрица лишь закрыла шкатулку.

— Семье Гу пока нельзя падать.

Цинхэ поняла и больше ни о чём не спрашивала.

За пределами зала крикнула птица.

Императрица взяла следующий дворцовый реестр.

Глава 8 — Весеннее чаепитие

На третий день после окончания домашнего заточения гуйфэй Гу во дворце устроили чаепитие в честь конца весны. Его проводили в павильоне Чэнсинь у воды. Молодые зелёные листья лотоса уже покрыли часть озера, а снаружи павильона расставили длинные столы. Управление императорского двора начало приготовления ещё накануне.

Вазы с цветами, блюда с фруктами и чайные сладости, присланные из разных дворцов, расставляли строго по рангу. Даже расстояние между местами измеряли не один раз.

Его величество собирался присутствовать лично.

Стоило утром разойтись этой новостью, как во всех дворцах стало заметно оживлённее.

После десяти дней заточения для первого появления на людях гуйфэй Гу выбрала непривычно сдержанный наряд. Она не надела любимое прежде броское платье гранатового цвета, а выбрала тёмно-фиолетовые дворцовые одежды и значительно меньше заметных украшений в волосы.

Сев на своё место, она почти не разговаривала с соседями. По её лицу невозможно было догадаться, что совсем недавно умер Фуцюань.

Фэй Се прибыла немного раньше. Она некоторое время сидела, глядя на озеро, и подняла глаза лишь тогда, когда подошла пин Хэ.

Пин Хэ явно постаралась над внешностью. В ушах висела новая пара жемчужных подвесок. Едва сев, она сразу посмотрела на место императора.

— Его величество правда придёт?

Фэй Се взглянула на неё.

— Если всё устроили настолько тщательно, вряд ли нас позвали любоваться пустым креслом.

Пин Хэ рассмеялась и больше ничего не сказала.

Гуйжэнь Чжоу сидела в самом конце. Сегодня она оделась просто: светло-абрикосовое платье, почти никаких украшений. Среди собравшихся императорских супругов её легко было не заметить.

С того момента, как она вошла в павильон, Чжоу держалась ровно настолько тихо, насколько требовалось. Если кто-нибудь случайно смотрел в её сторону, она опускала глаза и слегка, чуть застенчиво улыбалась.

Только она одна видела строку текста, висевшую перед глазами.

[Текущее задание: во время этого чаепития цель должна один раз самостоятельно обратить внимание на Носителя.]

Рука гуйжэнь Чжоу не дрогнула, когда она подняла чашку. Внутри же она уже ругалась.

«Самостоятельно обратить внимание». Системе легко говорить.

Ци Янь и в обычное время почти не бывал во внутренних покоях. Сегодня здесь присутствовали императрица, гуйфэй

и обе фэй. Как одна гуйжэнь низкого ранга должна была заставить императора по собственной воле посмотреть именно на неё — так легко, как считала система?

Почти сразу появилась ещё одна строка мелкого текста.
[Награда за задание: увеличение получаемой благосклонности в течение одного дня.]

Настроение гуйжэнь Чжоу немного улучшилось.

«А если я провалюсь?»

[Штраф отсутствует. Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

Её пальцы едва не сжались вокруг чашки.

Когда система только появилась, Чжоу решила, что получила нечто почти всемогущее. Позже выяснилось: кроме выдачи заданий, отображения благосклонности и редких наград она почти ничего не знает.

Кто сейчас нравится императору?

Неизвестно.

Что делать дальше?

Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.

Кто во дворце хочет ей навредить?

Пожалуйста, определите самостоятельно, Носитель.

Гуйжэнь Чжоу давно устала её ругать.

Она подняла взгляд и стала наблюдать за женщинами вокруг.

Гуйфэй Гу сегодня явно сдерживала характер. Фэй Се выглядела расслабленной, однако с момента, как села, уже

несколько раз незаметно наблюдала за императрицей. Пин Хэ всё ждала появления императора. Фэй Лу, как обычно, оставалась тихой.

Императрица пришла последней.

Все поднялись приветствовать её. Заняв место, она почти ничего не сказала и лишь велела женщинам не стесняться.

Ци Янь прибыл позже, чем ожидали.

Как только издалека раздалось объявление евнуха, непри-
нуждённая атмосфера в павильоне тут же изменилась.

Гуйфэй Гу чуть выпрямилась. Пин Хэ положила обрат-
но только что взятый кусочек фрукта. Гуйжэнь Линь даже
невольно коснулась шпильки в волосах.

Гуйжэнь Чжоу поднялась вместе со всеми.

Ци Янь шёл по галерее вдоль озера. Сегодня на нём не
было придворных одежд, только обычный тёмный парадный
наряд, и сопровождающих он взял немного.

Войдя в павильон, он велел всем подняться и занял глав-
ное место.

Первой заговорила гуйфэй Гу.

— Я уже думала, что государственные дела и сегодня не
позволят вашему величеству прийти.

В её тоне слышались и лёгкая обида, и близость женщины,
давно не видевшей его.

Ци Янь перевёл на неё взгляд.

— Десять дней заточения так и не научили тебя говорить
меньше?

На мгновение павильон замер.

Улыбка гуйфэй Гу едва заметно застыла, но почти сразу вернулась.

— Если я совсем перестану говорить, ваше величество, пожалуй, и вовсе меня забудете.

На этот раз Ци Янь не ответил.

Фэй Се подняла чайник и налила себе ещё чая, словно вообще не слышала этого обмена.

Пин Хэ поспешно, с улыбкой перевела разговор, заметив, что новый весенний чай, присланный во дворец в этом году, пахнет ароматнее прошлогоднего.

Только после этого напряжение немного рассеялось.

Ци Янь выпил половину чашки.

Ни одна из женщин внутренних покоев, казалось, не вызвала у него особого интереса. Когда кто-то говорил, он смотрел на неё. Когда никто не говорил, спокойно наблюдал за молодыми листьями лотоса у воды.

Гуйфэй Гу вскоре поняла: сколько бы инициативы она сегодня ни проявляла, по-настоящему удержать его внимание не получится.

Выражение её лица постепенно стало холоднее.

Гуйжэнь Чжоу всё это время не двигалась.

Задание системы по-прежнему висело перед глазами.

Она не собиралась подходить к императору и предлагать чай. Это было бы глупо.

Ци Янь видел слишком много женщин.

Если гуйжэнь низкого ранга вдруг начнёт проявлять усердие, она станет точно такой же, как все остальные.

Поэтому Чжоу ждала.

Долго.

В конце концов служанки пришли менять чай.

Молодая девушка, недавно назначенная на службу, несла чайник с горячей водой позади гуйжэнь Линь. Никто не понял, обо что она запнулась. Тело девушки резко подалось вперёд.

Кипяток вот-вот должен был вылиться на гуйжэнь Линь.

Никто рядом ещё не успел отреагировать, когда гуйжэнь Чжоу вскочила и отдёрнула её в сторону.

Вода выплеснулась на землю. Несколько капель попали на тыльную сторону руки Чжоу.

Она нахмурилась, но тут же снова сделала лицо бесстрастным.

Гуйжэнь Линь побледнела.

— Старшая сестра...

Чжоу посмотрела на краснеющую кожу собственной руки.

Вместо жалобы первым делом обратилась к служанке, дрожавшей на коленях.

— Ну? Убери всё.

Девушка начала отчаянно кланяться до земли.

Императрица уже посмотрела в их сторону. Гуйфэй Гу слегка нахмурилась.

И наконец взгляд Ци Яня остановился на гуйжэнь Чжоу.

Системное сообщение появилось мгновенно.

[Задание выполнено.]

[Цель самостоятельно обратила внимание на Носителя.]

[Награда выдана.]

Внутренне гуйжэнь Чжоу расслабилась.

Снаружи же сохранила лёгкое выражение человека, которому больно, но который не хочет поднимать шум.

Ци Янь спросил:

— Обожглась?

— Совсем немного, ваше величество. Ничего серьёзного.

Ответив, Чжоу снова села.

Она не стала изображать жалость к себе дальше. Знала, что этого достаточно. Ещё одна фраза — и всё начнёт выглядеть нарочно.

Ци Янь взглянул на её руку и велел принести лекарство.

Гуйжэнь Чжоу склонила голову в благодарность.

Перед ней появилась новая строка.

[Благосклонность цели: +1]

Она только успела почувствовать удовлетворение, как ниже возникло общее значение.

[Текущая благосклонность: 1]

Улыбка гуйжэнь Чжоу едва не дрогнула.

Столько усилий — ради единицы.

Система невозмутимо молчала.

Чжоу спросила мысленно:

«И всё?»

[Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

Гуйжэнь Чжоу опустила голову и выпила чай.

Теперь ей действительно хотелось ругаться.

Чаепитие продолжалось.

Гуйфэй Гу всё видела.

Только после того, как служанка закончила наносить лекарство на руку Чжоу, гуйфэй небрежно заметила:

— Гуйжэнь Чжоу, оказывается, очень сердобольна.

Чжоу тут же подняла голову, изобразив лёгкое волнение.

— Я просто сидела ближе всех.

Гуйфэй Гу улыбнулась.

— Вот как?

Чжоу не стала ничего объяснять.

Она знала: теперь гуйфэй Гу её заметила.

Но система уже дала благосклонность.

И что с того, если гуйфэй Гу запомнит её?

Если она будет подниматься достаточно быстро, рано или поздно всем этим женщинам придётся уступить ей дорогу.

Когда гуйжэнь Чжоу снова опустила голову, край чашки скрыл едва заметную улыбку в уголке её губ.

Глава 9 — Те, кто дома

На этот раз Шэнь Янь оставался в горах дольше обычного. Чжианю уже исполнилось больше трёх месяцев. Он научился поворачивать голову на голоса, а когда был доволен, издавал тихие невнятные звуки.

Главной радостью Сяо Линьи каждый день было сидеть возле кровати и играть с сыном.

Стоило малышу улыбнуться, как она сама могла потом ещё полдня ходить с улыбкой.

Когда Шэнь Янь вернулся, Сяо Линьи решила, что теперь наконец сможет немного расслабиться.

Она ошиблась.

Он стал следить за ней ещё больше.

Если Сяо Линьи просыпалась поздно, он заново разогревал завтрак, лишь бы она не ела остывшее. Если ей хотелось отнести Чжианя за гору, он сразу напоминал, что тропа неровная. Когда стало жарко, однажды Сяо Линьи захотела чашу холодного сладкого супа.

Она успела сделать ровно один глоток, после чего чаша исчезла из её рук.

В тот день терпение наконец закончилось.

— Мой послеродовой месяц закончился больше двух месяцев назад.

Шэнь Янь сидел напротив с книгой.

— Знаю.

— И тело уже восстановилось.

— Мм.

— Тогда почему мне нельзя это пить?

Шэнь Янь перевернул страницу.

— Холодное.

Сяо Линъи смотрела на отобранную чашу и никак не могла подавить раздражение.

— Ты и всех остальных раньше так контролировал?

В комнате стало немного тише.

Она сказала это просто с досады. Но едва слова прозвучали, Сяо Линъи вспомнила то, что он рассказывал о своих детях, и сразу пожалела.

Шэнь Янь закрыл книгу.

— Нет.

— Что?

— Я ими не распоряжался. Им нужна была только власть, которая у меня была.

Сяо Линъи замерла.

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— Когда всё рухнуло, ничего не осталось.

Большая часть раздражения мгновенно исчезла.

— Я не это имела в виду.

— Знаю.

Шэнь Янь отодвинул чашу со сладким супом ещё дальше.

— Но пить всё равно нельзя.

Только что появившееся сочувствие Сяо Линъи тут же снова превратилось в раздражение.

— Шэнь Янь.

Он поднял глаза.

Она редко называла его полным именем. Но испуганным он не выглядел ни капли.

— Моё имя не поможет.

Сяо Линъи долго сверлила его взглядом. Затем повернулась и взяла Чжианя на руки.

— А-Мань, твой отец ужасный.

Чжиань лежал на маленькой кушетке и пытался поймать собственную ступню. Услышав голос матери, он улыбнулся.

Сяо Линъи стало ещё обиднее.

— И ты смеёшься?

Шэнь Янь молча смотрел на мать с сыном и сладкий суп не вернул.

Вечером, когда Чжиань уснул, Сяо Линъи всё ещё не особенно хотела с ним разговаривать. Умылась, сама забралась в постель и легла спиной к комнате.

Шэнь Янь погасил главную лампу, оставив только одну у кровати.

Немного погодя лёг рядом.

Между ними осталось небольшое расстояние.

Сяо Линъи была уверена, что он хотя бы что-нибудь скажет.

Он не сказал.

Она закрыла глаза и ждала.

Чем дольше ничего не происходило, тем сильнее она злилась.

В конце концов сама перевернулась к нему.

— Ты думаешь, я вообще никогда по-настоящему на тебя не рассержусь?

Шэнь Янь уже смотрел на неё.

Пойманная на том, что сама первой повернулась, Сяо Линъи на мгновение замерла.

— Ты не спишь?

— Ты всё время ворочаешься.

— Когда это я всё время ворочалась?

— Четыре раза перевернулась.

На это ей ответить было нечего.

Поэтому она села.

— Теперь будешь контролировать ещё и сколько раз я переворачиваюсь во сне?

Шэнь Янь сел вместе с ней и потянулся поправить разошедшийся ворот ночной одежды.

На этот раз Сяо Линъи ударила его по руке.

— Не надо.

Шэнь Янь остановился.

Она и правда была сердита.

— А-Янь, я знаю, что ты потерял всех детей. Знаю, ты боишься, что с Чжианем тоже что-нибудь случится. И знаю, что беспокоишься обо мне. Но ты хочешь решать, что мне

есть, куда ходить, во сколько спать. Я не собираюсь терять саму себя.

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— А можешь.

Сяо Линъи моргнула.

— Что?

— Ты нашла у ручья неизвестного мужчину, притащила его домой, выходила, а когда он поправился, ещё и осмелилась выйти за него замуж.

Несколько мгновений она просто смотрела на него.

Потом разозлилась окончательно и замахнулась.

Шэнь Янь поймал её за запястье.

Она ударила второй рукой.

Он поймал и её.

Теперь оба запястья были у него в руках.

Сяо Линъи дважды попыталась вырваться, но не смогла.

Лицо вспыхнуло.

— Отпусти.

Он не отпустил.

Между ними почти не осталось расстояния.

Ещё мгновение назад она сердилась. Но после того как Шэнь Янь некоторое время молча смотрел на неё с такого расстояния, голос понемногу стал тише.

— Ты всегда так делаешь.

— Как?

— Пользуешься тем, что сильнее меня.

Шэнь Янь наклонился и поцеловал её.

Сначала Сяо Линъи оттолкнула его, но затем её пальцы постепенно расслабились.

Чжиань спал в маленькой колыбели во внешней комнате.

В доме было тихо, поэтому оба невольно старались не шуметь.

Сегодня Шэнь Янь был настойчивее обычного. Несколько раз Сяо Линъи пыталась отвернуться, но он возвращал её обратно. В конце концов она действительно рассердилась и ущипнула его за плечо.

Только тогда он остановился.

— Больно?

Она не захотела отвечать.

Шэнь Янь посмотрел сверху вниз.

Сяо Линъи отвернула лицо.

— Ты всегда такой.

— Какой?

Когда её заставляли объяснять, говорить хотелось ещё меньше.

Шэнь Янь убрал с её лица выбившиеся волосы.

Наконец Сяо Линъи наконец тихо сказала:

— Ты всегда всё решаешь сам.

На этот раз он не стал спорить.

Когда она повернулась обратно, его рука всё ещё лежала у неё на талии.

— А если однажды я действительно захочу сделать то, что

тебе не нравится?

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— Смотря что.

— Например, если я захочу взять Чжианя и съездить посмотреть Юнцзин?

В комнате стало неподвижно.

Сяо Линъи привела этот пример совершенно случайно. С детства ей снова и снова запрещали ездить в столицу. К тому времени, как она выросла, никакого особого желания увидеть Юнцзин у неё уже не осталось.

Сейчас она произнесла это лишь для того, чтобы понять, насколько далеко, по мнению Шэнь Яня, распространяется его право ею распоряжаться.

Рука на её талии чуть сильнее сжалась.

— Не езд.

Сяо Линъи сразу заметила реакцию.

— Почему?

— В столице слишком много влиятельных людей. А если случайно кого-нибудь заденешь?

— Ты сам там жил.

— Именно поэтому тебе туда и не надо.

Она некоторое время внимательно смотрела на него.

Шэнь Янь больше ничего не объяснил.

Сяо Линъи уже хотела продолжить расспросы, когда из внешней комнаты донёсся звук: Чжиань заворочался.

Они оба замерли.

Подождали.

Ребёнок не заплакал.

В доме снова стало тихо.

Сяо Линъи уже клонило в сон.

Она легла на подушку, но всё равно пробормотала:

— Ты правда всем распоряжаешься.

Шэнь Янь укрыл её одеялом.

На этот раз она не стала отталкивать его руку.

Вскоре Сяо Линъи уснула.

Шэнь Янь остался бодрствовать.

Его ладонь лежала у неё на талии.

Даже когда ночь стала совсем глубокой, он так и не убрал её.

Глава 10 — Один пункт благосклонности

Небольшой ожог на тыльной стороне руки гуйжэнь Чжоу исчез уже на следующий день после чаепития. А действие системной награды должно было продлиться ещё полдня.

[Усиление прироста благосклонности: осталось 6 часов.]

Едва проснувшись, Чжоу начала прикидывать, как этим воспользоваться.

У Ци Яня сегодня был утренний придворный совет. До полудня во внутреннем дворце он точно не появится. После обеда его также ждали несколько министров.

Ранг Чжоу был слишком низким. Просто так приблизиться к Императорскому кабинету она не могла. Стоять на дворцовой дороге, дожидаясь, пока император пройдёт мимо, было бы глупо — и слишком удобно для других женщин, если им понадобится использовать это против неё.

Она долго сидела перед туалетным столиком и перебирала украшения.

В итоге не выбрала ничего яркого. Только одну шпильку из белого нефрита.

Служанка наблюдала за ней.

— Госпожа, вы не наденете золотую шпильку, которую его величество подарил вам в прошлый раз?

Гуйжэнь Чжоу посмотрела на неё через зеркало.

— Все носят то, что подарил его величество. Зачем мне делать то же самое?

Служанка не поняла.

Чжоу объяснять не собиралась.

Она давно смирилась с тем, что система никогда не подскажет, как завоевать императора. Раз так, думать придётся самой.

После полудня она отправилась к озеру Тайе.

Целью по-прежнему оставался Ци Янь. Чжоу даже не знала, пройдёт ли он сегодня этой дорогой. Просто взяла книгу и села ждать в павильоне.

Прошёл час.

Ничего.

После двух часов даже служанка начала подозревать, что у госпожи внезапно проснулась искренняя любовь к чтению.

Гуйжэнь Чжоу уже несколько раз мысленно выругала систему.

[Системное уведомление: активных заданий нет.]

«Тебе-то хорошо».

[Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

Чжоу закрыла книгу.

Она уже собралась уходить, когда вдалеке на дворцовой дороге послышались шаги.

Подняв голову, она увидела Ци Яня. Он шёл с другой стороны в сопровождении нескольких евнухов.

Чжоу мгновенно оживилась.

Но вставать и приветствовать его заранее не стала. Только когда он подошёл на положенное расстояние, поднялась и по правилам опустилась на колени.

— Приветствую ваше величество.

Ци Янь даже не остановился.

— Встань.

Гуйжэнь Чжоу поднялась, но не пошла следом. Опустив голову, начала собирать книгу и вещи.

Именно эта реакция почему-то заставила Ци Яня через несколько шагов оглянуться.

Чжоу заметила сразу.

Система отреагировала одновременно.

[Благосклонность цели: +1]

[Текущая благосклонность: 2]

Внутри вспыхнула радость.

На лице не отразилось ничего.

Ци Янь заметил книгу у неё в руках.

— Что читаешь?

Только тогда гуйжэнь Чжоу подняла глаза.

— Ваше величество, старые путевые заметки.

— Любишь такое?

— Я сама мало где бывала. Остаётся читать то, что написали другие.

Голос был мягким. Она не кокетничала и не ухватила за возможность тут же попросить императора вывести её за

пределы дворца.

Ци Янь некоторое время смотрел на неё.

— Во дворце недостаточно хорошо?

Мысли Чжоу заработали мгновенно.

Если начать слишком усердно хвалить дворец — прозвучит фальшиво. Если ответить неудачно — выйдет так, будто она жалуется на заточение.

Она опустила голову и слегка улыбнулась.

— Во дворце очень хорошо. Но если долго смотреть на одни и те же стены, иногда начинаешь задумываться, какие горы находятся по ту сторону.

Ци Янь ничего не сказал.

Чжоу уже начала сомневаться, не сказала ли лишнего, когда система появилась снова.

[Благосклонность: +1]

Она сразу успокоилась.

Вскоре Ци Янь ушёл.

Гуйжэнь Чжоу дождалась, пока вся процессия исчезнет из виду, и лишь тогда снова села.

Служанка подошла к ней с явной радостью.

— Госпожа, его величество сегодня так много с вами говорил.

Чжоу закрыла книгу.

— Это ты называешь «много»?

Служанка замерла.

Гуйжэнь Чжоу больше ничего не сказала.

Её системная благосклонность теперь равнялась трём.
Всего трём.

До цели было ещё очень далеко.

Но по крайней мере этот мужчина не был совсем уж неприступным.

Она провела ладонью по обложке книги.

Перед глазами появилось новое системное сообщение.

[Новое задание.]

[Задание: в течение семи дней получить приглашение, инициированное целью.]

[Награда: случайный предмет типа «Очарование» x1.]

Гуйжэнь Чжоу некоторое время смотрела на строки.

«Как?»

[Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

Она закрыла глаза.

Ну разумеется.

Служанка увидела её выражение и решила, что госпожа устала.

— Госпожа, вернёмся во дворец?

Чжоу открыла глаза.

— Пойдём.

Когда она спускалась с павильона, вдалеке по другой дворцовой дороге как раз проходила процессия гуйфэй Гу.

Гуйфэй увидела её.

Чжоу тоже увидела гуйфэй.

Их взгляды встретились через разделявшее их простран-

СТВО.

Гуйжэнь Чжоу поклонилась первой.

Паланкин гуйфэй Гу не остановился.

Только когда процессия исчезла, Чжоу выпрямилась.

Системное сообщение всё ещё висело перед глазами.

Семь дней.

Приглашение должно исходить от него.

Всю дорогу обратно она думала только об этом.

Вернувшись в свой дворец, первым делом приказала привести молодую служанку, которая едва не облила кипятком гуйжэнь Линь на чаепитии.

Личная служанка удивилась.

— Разве её уже не отправили на тяжёлые работы?

— Знаю.

Гуйжэнь Чжоу села за стол и взяла одну из свежих вишен, только что принесённых во дворец.

— Приведи её.

Через полчаса молодая дворцовая служанка уже стояла перед ней на коленях.

Девушка была совсем юной и явно всё ещё помнила произошедшее на чаепитии. Едва войдя, начала раз за разом кланяться до земли, уверяя, что сделала это не нарочно.

Гуйжэнь Чжоу дождалась, пока она закончит.

Затем положила косточку вишни на маленькое блюдце.

— Я знаю, что ты не нарочно.

Девушка подняла голову.

Чжоу мягко улыбнулась.

— Поэтому я тебя и спасла.

Глаза девушки тут же наполнились слезами.

Гуйжэнь Чжоу велела помочь ей подняться, дала немного серебра и задала несколько вопросов о семье.

Только когда служанка полностью расслабилась, Чжоу словно между прочим упомянула: кажется, в Императорской чайной в последнее время не хватает человека для разноса чая.

Выражение девушки заметно изменилось.

Чжоу увидела это.

Больше ничего спрашивать не стала.

— Можешь идти.

После ухода молодой служанки личная служанка Чжоу наконец спросила:

— Госпожа, почему вы вдруг так добры к ней?

Гуйжэнь Чжоу потянулась за второй вишней.

— Её старшая сестра служит в Императорской чайной.

Служанка застыла.

Чжоу откусила плод.

В течение семи дней ей требовалось добиться, чтобы Ци Янь сам призвал её.

Для начала нужно было сделать так, чтобы он её запомнил.

А кто именно донесёт её имя до императора, кого придётся использовать по дороге и что потом станет с этими

людьми — какое это имело значение?

Солнечный свет лился через окно.

Она выплюнула вишнёвую косточку обратно на блюдо и потянулась за следующей.

Глава 11 — Вызов

Лишь на третий день к гуйжэнь Чжоу наконец пришёл человек от императора.

Было немного за полдень. Она сидела у окна и распарывала старое саше, когда личная служанка поспешно вбежала внутрь, у самого порога едва не наступив на собственную юбку.

Гуйжэнь Чжоу лишь на мгновение подняла глаза.

Служанка не могла скрыть радости на лице, и Чжоу сразу поняла, что случилось.

— Пришёл человек из Императорского кабинета. — Служанка подошла ближе и понизила голос. — Его величество призывает вас.

Руки Чжоу остановились над саше.

Почти одновременно перед глазами появилась бледно-золотая строка.

[Условие задания выполнено.]

Она уставилась на текст. В груди быстро разлилось горячее возбуждение.

Серебро, потраченное за последние дни, оказанные услуги и все осторожно оставленные ею следы вокруг Императорской чайной всё-таки не пропали зря.

— Помоги переодеться.

Она поднялась, затем передумала и посмотрела на свет-

ло-белое дворцовое платье, которое уже было на ней.

— Нет. Так нормально.

Служанка уже повернулась к шкафу и остановилась.

— Госпожа, его величество впервые призвал вас одну. Не слишком ли просто?

Гуйжэнь Чжоу поправила маленькую жемчужину у уха.

— Если слишком стараться, будет ещё хуже.

Она не стала заново наносить макияж. Только немного освежила цвет губ и сняла одну слишком заметную золотую шпильку.

Лишь когда евнух из людей императора пришёл торопить её во второй раз, Чжоу вышла, взяв с собой одну служанку.

Всю дорогу настроение было прекрасным.

Ци Янь сам призвал её.

Система объявила задание выполненным, а значит, по крайней мере её приготовления последних дней не были ошибкой. Если сегодня всё пройдет хорошо и благосклонность поднимется ещё немного, случайный предмет очарования действительно окажется у неё.

Возле Императорского кабинета было гораздо тише, чем во внутренних покоях.

Евнух, который привёл её, остановился у двери и не позволил служанке войти следом.

Гуйжэнь Чжоу вошла одна.

Едва переступив порог, она поняла: обстановка внутри совсем не такая, какую она представляла.

Ци Янь сидел за императорским столом.

Никаких угощений.

Книги о путешествиях, которую она читала несколько дней назад, тоже нигде не было.

Возле окна лежало несколько стопок только что принесённых докладов. Один евнух, опустив голову, растирал тушь.

Больше никого.

Гуйжэнь Чжоу подошла и поклонилась.

— Приветствую ваше величество.

Ци Янь не сразу велел ей подняться.

Она продолжала стоять на коленях.

Её радость постепенно угасала.

Только когда колени начали болеть, сверху прозвучал спокойный голос.

— Знаешь, зачем я тебя позвал?

Гуйжэнь Чжоу подняла глаза, изобразив ровно столько растерянности, сколько требовалось.

— Не знаю, ваше величество.

Ци Янь смотрел на неё.

— Правда не знаешь?

Сердце слегка провалилось.

Всё начиналось совсем не так, как она ожидала.

— Я была глупа. Если я совершила ошибку, прошу ваше величество указать на неё прямо.

Выражение её лица ничуть его не смягчило.

Ци Янь достал лежавший рядом тонкий лист бумаги и по-

ложил ближе к краю стола. Одним пальцем прижал угол, не давая ей дотянуться.

— После чаепития ты трижды ходила к озеру Тайе. Последние несколько дней кто-то из Императорской чайной передавал тебе сведения. Ты вызвала служанку, которая пролила горячую воду на чаепитии. И так совпало, что её старшая сестра служит в Императорской чайной.

На одно короткое мгновение лицо гуйжэнь Чжоу застыло. Ци Янь это увидел.

— Продолжить?

Она быстро опустила голову.

— Ваше величество, вы неправильно поняли. Мне лишь показалось, что ту служанку наказали слишком строго, я пожалела её и вызвала, чтобы задать несколько вопросов. Что до Императорской чайной, я никогда не поручала никому узнавать о вашем величестве...

— Я не спрашивал, жалела ты её или нет.

Ци Янь оборвал её.

Остаток фразы умер на губах.

В Императорском кабинете стало совершенно тихо.

Ци Янь откинулся в кресле и медленно оглядел её лицо.

— Ты хотела увидеть меня. Хотела, чтобы люди рядом со мной упоминали тебя. Хотела знать, когда я выхожу из Императорского кабинета. Всё это несложно угадать. Во внутренних покоях многие женщины хотят того же. Ничем особенным ты не отличаешься.

Ногти гуйжэнь Чжоу уже впились в ладони.

Она была уверена, что спрятала всё достаточно хорошо.

— У меня действительно не было таких намерений.

На этот раз даже глаза слегка покраснели. Голос стал мягче.

— С тех пор как я вошла во дворец, всегда соблюдала правила. Когда на чаепитии ваше величество велели прислать мне лекарство, я была благодарна. Позже мы случайно встретились у озера Тайе, и я лишь подумала...

Ци Янь дал ей договорить.

Когда голос постепенно затих, он спросил:

— Всё?

Гуйжэнь Чжоу застыла.

Его лицо оставалось безразличным.

— Мне не нужны объяснения твоих намерений. Сегодня я позвал тебя, чтобы сказать одну вещь. Люди, служащие рядом со мной, дороги, которыми я пользуюсь, и время, когда я покидаю дворец, — это не то, к чему тебе позволено прикасаться.

Лицо гуйжэнь Чжоу наконец побелело.

Ци Янь отодвинул лист в сторону.

— Твой ранг низок. Если будешь спокойно жить во внутренних покоях, я ещё могу счесть это тем, что молодая женщина не понимает правил. Но если будет второй раз, несколькими фразами, услышанными на коленях, дело не закончится.

Она резко подняла голову.

— Ваше величество...

Ци Янь задержал на ней взгляд.

— В столице до сих пор живут шестьдесят семь членов семьи Чжоу.

Дыхание остановилось.

Ци Янь уже опустил глаза и взял следующий доклад.

— Возвращайся и хорошо подумай. Твоя жизнь — жизнь. Жизни семьи Чжоу — тоже.

Гуйжэнь Чжоу всё ещё стояла на коленях.

Все приготовленные выражения слабости, обиды и объяснения разом исчезли.

Перед глазами внезапно появилось новое системное уведомление.

[Благосклонность цели: -20]

[Текущая благосклонность: -17]

На мгновение Чжоу решила, что прочитала неверно.

Она так пристально смотрела на число, что, когда Ци Янь наконец отпустил её, отреагировала на полшага медленнее.

Снаружи Императорского кабинета солнечный свет упал ей на лицо.

Спина была холодной.

Личная служанка поспешно подошла, увидела её выражение и уже хотела спросить, что произошло внутри.

Гуйжэнь Чжоу её проигнорировала.

Она дошла до собственного дворца и только после того,

как дверь закрылась, мысленно потребовала:

«Разве задание не было выполнено?»

Система ответила немедленно.

[Задание: в течение семи дней получить приглашение, инициированное целью.]

[Статус задания: выполнено.]

[Награда: случайный предмет типа «Очарование» x1. Выдан.]

Гуйжэнь Чжоу смотрела на эти строки и едва не рассмеялась от злости.

«Тогда почему я потеряла двадцать пунктов?»

[Изменение благосклонности определяется реакцией цели на текущие действия Носителя.]

[Система не вмешивается в суждения цели.]

Она закрыла глаза.

«Ты не могла предупредить?»

[Система не знает истинных мыслей цели.]

После короткой паузы появилась знакомая строка, которая теперь раздражала особенно сильно.

[Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

Гуйжэнь Чжоу схватила чашку со стола.

Перед тем как швырнуть, остановилась.

Снаружи всё ещё были дворцовые служанки.

Она медленно поставила чашку обратно.

Злость на лице понемногу исчезла.

Личная служанка стояла рядом, не смея издать звук.

Лишь спустя долгое время Чжоу спросила:

— Где сейчас служанка с чаепития?

— Всё ещё на тяжёлых работах в Прачечном управлении.

— Отправь ещё дальше.

Служанка замешкалась.

— Куда?

Гуйжэнь Чжоу подняла глаза.

— Туда, где работа тяжелее всего. И больше не связывайся с её сестрой из Императорской чайной. Деньги ей тоже больше не давать.

Служанка осторожно спросила:

— Но разве эта девушка не помогла вам, госпожа?

Лицо Чжоу полностью охладело.

— Она больше не полезна.

Служанка тут же закрыла рот.

На закате от императора пришёл ещё один устный приказ.

Очень короткий.

Ни одному дворцу не разрешалось тайно расследовать передвижения слуг императора, а также использовать деньги, услуги или награды, чтобы покупать преданность евнухов, служанок и любых людей, связанных с императорской службой.

Если кто-либо снова переступит эту черту, применят и дворцовые правила, и государственный закон.

Имя не прозвучало ни разу.

Но весь внутренний дворец быстро понял: кто-то залез ту-

да, куда залезать не следовало.

Гуйжэнь Чжоу сидела у окна и слушала шёпот служанок снаружи.

Пальцы всё ещё прижимали шёлковый платок к колену.

Лишь через час она медленно расслабила ладонь.

На коже остались красные следы от ногтей.

Глава 12 — Вызов во дворец Фэнъи

После того как устный приказ императора разошёлся по дворцу, внутренний двор на несколько дней притих.

Пин Хэ, обычно обожавшая собирать сплетни, отозвала нескольких молодых евнухов из своего дворца, которые постоянно бегали за пределы дворца, и лично прочитала им нотацию.

Фэй Се даже не стала выяснять, кто именно разгневал императора. Она лишь приказала людям пересмотреть все счета за последние месяцы, где упоминались любые контакты с императорскими слугами.

Когда новость дошла до гуйфэй Гу, она подрезала цветы. Ножницы на мгновение остановились.

Затем она продолжила работу, срезала слишком пышно распустившийся пион и бросила его рядом со столом.

Во дворце гуйжэнь Чжоу было ещё тише.

Несколько дней она не выходила за ворота.

Все понимали, что императорский приказ появился внезапно. И никто не желал вслух признавать, что ему любопытно.

Вечером третьего дня во дворец Фэнъи неожиданно пришло известие.

Его величество придёт на ужин.

Цинхэ лично руководила тем, как слуги заново готовили главный зал. На кухне сменили меню.

Новость разошлась быстро.

Вскоре несколько дворцов уже знали, что в тот вечер император отправился к императрице.

Останется ли он на ночь, никто не осмеливался спрашивать прямо.

Но сама императрица с момента получения сообщения понимала: обычным ужином дело, скорее всего, не ограничится.

Ци Янь уже очень давно не приходил во дворец Фэнъи один.

Он прибыл вскоре после наступления темноты, всё ещё в обычной одежде, в которой находился днём в Императорском кабинете. На поясе не было меча. Следом шли лишь несколько самых близких слуг.

Императрица поднялась навстречу.

Когда он сел, она велела Цинхэ подавать ужин.

Первая половина трапезы прошла почти буднично тихо.

Императрица не упомянула Вэй Чэна.

Не упомянула и конюшни, до которых недавно добрались её люди.

Она понимала: если Ци Янь пришёл лично, значит, уже что-то узнал. Одной лишней фразы хватит, чтобы первой раскрыть свои карты.

Ци Янь тоже ничего не спрашивал.

Лишь когда еду убрали, Цинхэ вывела слуг, закрыла двери и оставила их вдвоём, он поднял свежую чашку чая.

— Легко было проверять конюшни к югу от города?

Рука императрицы над крышкой чашки едва заметно замерла.

Только на мгновение.

Затем она продолжила отводить плавающие чайники.

— Я не понимаю, что имеет в виду ваше величество.

Ци Янь внимательно посмотрел ей в лицо.

— Завтра отзови своих людей.

Императрица подняла глаза.

Долгое мгновение они смотрели друг на друга через стол.

Ни один не отвёл взгляд первым.

Наконец императрица поставила чай.

— Я управляю Шестью дворцами. Пин Чжэн только что потеряла ребёнка, а люди императора постоянно покидают дворец. Что неправильного в том, чтобы задать несколько дополнительных вопросов?

Выражение Ци Яня не изменилось.

— Ты управляешь Шестью дворцами.

Он сделал паузу.

— Не мной.

Челюсть императрицы слегка напряглась.

— Вэй Чэн служит рядом со мной. Куда он ездит и какие приказы выполняет — решаю я. Ты следила за ним, прове-

ряла, где он меняет лошадей, и протянула след за город. Это ты называешь «задать несколько вопросов»?

Императрица откинулась на спинку кресла. Голос стал холоднее.

— Если ваше величество не желает, чтобы я знала хоть что-нибудь, зачем тогда приходить сюда и спрашивать?

— Я пришёл сказать, что на этом всё заканчивается.

— На каком основании?

Едва слова прозвучали, в зале стало тихо.

Императрица редко говорила с Ци Янем таким тоном.

Он не вспыхнул сразу. Просто смотрел на неё.

Но гнев, который она носила слишком долго, уже невозможно было удержать.

В прошлой жизни она расследовала больше десяти лет, прежде чем нашла тот след. Лишь умирая, узнала, что Ци Янь когда-то скрывал за пределами дворца беременную женщину.

Теперь она вернулась именно в этот год.

Каждая зацепка ещё была в пределах досягаемости.

Она не могла бросить всё только потому, что он одной фразой велел остановиться.

— Много лет я смотрела, как в этом дворце один за другим умирают дети. Мой ребёнок тоже умер. Сколько раз проводило расследования Императорское медицинское ведомство? Сколько людей во дворце погибло? Ваше величество знает это лучше меня.

Она не отрывала от него взгляда.

— Теперь люди его величества постоянно выезжают за пределы дворца, а объяснять что-либо мне вы отказываетесь. Почему я не должна расследовать?

Взгляд Ци Яня похолодел.

— Что именно ты расследуешь?

Императрица не ответила.

Ци Янь слегка подался вперёд, положив одну руку на стол.

— Или спрошу иначе. Что именно императрица пытается узнать через Вэй Чэна?

Её пальцы медленно сжались.

Она не могла сказать.

Пока нет.

Ци Янь увидел этот короткий момент молчания и сразу понял: у неё действительно есть ниточка, о которой он не знает.

— Ты много лет занимаешь это место. Должна понимать, что имеешь право знать, а что — нет.

Императрица вдруг тихо рассмеялась.

— Вашему величеству легко говорить. Когда умер мой ребёнок, мне тоже следовало ничего не знать?

Лицо Ци Яня окончательно потемнело.

Императрица не остановилась.

— Сколько раз за все эти годы я спрашивала ваше величество — почему? Вы хоть раз дали мне ответ? Теперь за пределами дворца кто-то выполняет для вас дела, о которых

даже императрице запрещено задавать вопросы. Стоило мне один раз начать расследование — и вы лично пришли меня предупредить, ваше величество.

Она смотрела на мужчину напротив.

— Чего именно боится ваше величество, что я найду?

Ци Янь поднялся.

Чай рядом с ним так и остался нетронутым.

— На сегодня ты сказала достаточно.

Императрица тоже встала.

— Я хотела бы добавить ещё кое-что.

Ци Янь остановился.

Она не отступила перед выражением его лица.

— Я расследую возможную опасность внутри дворца. Если ваше величество считает, что даже это выходит за пределы моих полномочий, заберите у меня Печать Феникса и найдите себе другую императрицу — такую, которая вообще не задаёт вопросов.

Ци Янь повернулся обратно.

Их разделяло несколько шагов.

— Ты меня вынуждаешь?

— Я говорю вашему величеству, что у меня есть причина задавать эти вопросы.

Ци Янь долго смотрел на неё.

В конце концов ничего не сказал.

Повернулся и вышел.

Императрица осталась на месте.

Она не пошла следом.

Когда двери открылись, все ожидавшие снаружи опустили головы.

Цинхэ уже подготовила спальню. Даже ночную одежду принесли заранее.

Никто не ожидал, что император уйдёт меньше чем через час после прибытия.

Проходя мимо Цинхэ, Ци Янь не замедлил шаг.

Вэй Чэн шёл следом, низко опустив голову и не смея смотреть наверх.

Только когда вся процессия покинула дворец Фэнъи, Цинхэ вернулась внутрь.

Еду давно унесли.

Чай остался.

Императрица стояла у окна, и лицо было холоднее обычного.

Цинхэ не осмелилась её уговаривать.

Она лишь подошла и закрыла створку, которую распахнул ветер.

— Ваше величество, сегодня ночью...

Императрица оглянулась.

Цинхэ проглотила остаток фразы.

Наконец императрица взяла чашку совершенно остывшего чая и вылила прямо в ближайший цветочный горшок.

— Отзови двух наших людей с юга.

Цинхэ моргнула.

— Всех?

— самого дальнего оставь.

Императрица вернулась к креслу.

— Дай ему новую личность. За конюшнями больше не следить.

Цинхэ поняла.

Ссора не заставила императрицу остановиться.

Она лишь сменила способ.

Глава 13 — Вернулся слишком поздно

Покинув дворец Фэнъи, Ци Янь не вернулся в собственные покои.

Императорский экипаж уже почти добрался до передних залов, когда он внезапно велел остановиться.

Вэй Чэн служил рядом с ним много лет. Одного взгляда на лицо императора было достаточно, чтобы понять: сегодня ночью лишних вопросов задавать нельзя.

Несколько евнухов рядом почти не дышали и не смели поднять головы.

Ци Янь вышел из экипажа.

— Приготовьте лошадь.

Только тогда Вэй Чэн поднял глаза.

— Ваше величество, вы сегодня ночью покидаете дворец?

Ци Янь посмотрел на него.

Вэй Чэн тут же опустил голову.

— Слушаюсь. Я всё устрою.

Через час Юнцзин уже остался далеко позади.

Ночью ехать по горной дороге было трудно, особенно после нескольких дождливых дней. На некоторых участках дороги всё ещё оставалась скользкой.

Ци Янь не останавливался.

Только когда вдали наконец появился знакомый маленький двор, напряжение в его челюсти немного ослабло.

В доме ещё горела одна лампа.

Сяо Линъи готовилась ко сну. Чжианя уже укачали, и он спал в колыбели. Она только сняла верхнюю одежду, когда у ворот двора раздался звук.

Сначала ей показалось, что это ветер.

Когда звук повторился, она вышла.

Открыв ворота, сразу увидела Шэнь Яня.

Сяо Линъи застыла.

— Почему ты вернулся в такой час?

От его одежды веяло ночным холодом, на плечах лежала роса. Он явно долго ехал.

Сяо Линъи посмотрела ему за спину.

— Ты ехал по горной дороге так поздно? Не боишься свалиться?

Шэнь Янь не ответил.

Только тогда она внимательнее посмотрела на его лицо.

— Что-то случилось снаружи?

Ци Янь вошёл во двор.

— Нет.

Сяо Линъи закрыла ворота и пошла следом.

— С таким лицом и всё равно говоришь, что ничего не случилось.

Она не стала дальше расспрашивать, что именно произошло.

Вместо этого пошла на кухню и осмотрелась. Плита давно остыла. Остатки ужина уже убрали.

Немного подумав, она достала муку и яйца.

— Ты ел?

Ци Янь стоял в дверях.

— Нет.

Сяо Линъи оглянулась.

— Тогда садись.

Она снова разожгла плиту.

Двигалась не особенно быстро, но привычно и уверенно. По мере того как огонь разгорался, на кухне становилось теплее.

Она замесила тесто, нарезала лапшу, достала две веточки зелени — и только после этого заметила, что Шэнь Янь всё ещё стоит у двери.

— Чего ты там стоишь?

— Смотрю на тебя.

Теперь Сяо Линъи окончательно убедилась: сегодня он ведёт себя странно.

— Если смотреть на меня, лапша сама сварится?

Ци Янь наконец вошёл.

Помогать не стал. Просто сел за стол.

Сяо Линъи опустила лапшу в кастрюлю.

Пока вода снова закипала, она несколько раз посмотрела на него.

Обычно, каким бы уставшим Шэнь Янь ни возвращался,

настроение снаружи он почти никогда не приносил домой.

Сегодня в нём чувствовалась явная тяжесть.

Она больше не спрашивала.

Когда лапша была готова, Сяо Линьби поставила чашу перед ним и села напротив.

— Сначала поешь.

Ци Янь взял палочки.

Сяо Линьби подперла подбородок ладонью и проследила, как он съел несколько порций лапши. Убедившись, что он действительно голоден, она поднялась, собираясь убрать кухню.

Вдруг чья-то рука обхватила её запястье.

Она опустила взгляд.

— Что?

Ци Янь не отпустил.

— Уберёшь завтра.

Она посмотрела на плиту.

— Если оставить до утра, насекомые придут.

— Пусть кто-нибудь другой уберёт.

Сяо Линьби повернулась к нему с недоумением.

— И кто именно у нас тут стоит в ожидании твоих приказов?

Ци Янь замолчал.

Сяо Линьби пару мгновений смотрела на него, а потом рассмеялась.

— Да что с тобой сегодня?

Он всё равно не ответил.

Пальцы на её запястье немного ослабли.

Сяо Линъи руку не выдернула, а снова села рядом.

Когда он доел лапшу, она потянулась забрать чашу.

Но на середине движения Ци Янь сам взял её и поставил обратно на стол.

— А-Янь.

Он посмотрел на неё.

— Если у тебя правда возникли проблемы, можешь мне сказать. Возможно, я не смогу помочь, но тебе не обязательно всё держать в себе.

Она говорила естественно. В её взгляде не было попытки что-то вывести.

Ци Янь некоторое время смотрел на неё.

А потом внезапно притянул ближе.

Сяо Линъи потеряла равновесие и оказалась прямо у него в объятиях.

— Ты что делаешь?

Его рука уже обхватила её за талию.

— Дай немного тебя обнять.

Она собиралась сказать что-то ещё, но после этих слов притихла.

На кухне оставалось только тепло от плиты.

Сяо Линъи прислонилась к его груди.

Спустя несколько мгновений подняла руку и похлопала по спине.

— Тогда обнимай.

Ци Янь сжал руки сильнее.

Объятие было тяжелее обычного.

Когда стало некомфортно, Сяо Линъи пошевелилась.

— Слишком сильно.

Только тогда он немного ослабил хватку.

— Чжиань спит?

— Давно.

— Как он сегодня?

— Очень хорошо. Полдня грыз твою книгу. Когда я забрала, плакал бесконечно.

Ци Янь наконец отреагировал.

— Какую книгу?

— Которую ты оставил возле кровати.

— Чернила не проглотил?

Сяо Линъи рассмеялась.

— Нет. Я умею за ним смотреть.

Она высвободилась из его рук и унесла чашу мыть.

На этот раз Ци Янь не остановил.

Когда они вернулись в спальню, Чжиань по-прежнему крепко спал.

Ци Янь некоторое время стоял возле колыбели и коснулся лба ребёнка.

Сяо Линъи расчёсывала волосы. Увидела движение в бронзовом зеркале и настолько к нему привыкла, что уже почти не хотела комментировать.

— Каждый раз возвращаешься и первым делом делаешь именно это.

Ци Янь не стал отрицать.

Сяо Линъи положила гребень и повернулась.

— Он правда в порядке. Сегодня даже одну серьгу с меня сорвал.

Ци Янь подошёл и осмотрел её мочку уха.

— Не поранил?

— Нет.

Но он всё равно коснулся пальцами, проверяя.

Сяо Линъи стало щекотно, и она отвернула голову.

— Сегодня ты вообще всё проверяешь.

Ци Янь взял её за подбородок и повернул обратно.

Сяо Линъи только открыла рот, собираясь возмутиться, как он наклонился и поцеловал её.

Она на мгновение застыла, затем оттолкнула его.

— Чжиань прямо здесь.

— Он спит.

— Даже если спит, всё равно находится здесь.

Ци Янь не остановился.

В конце концов Сяо Линъи могла лишь тихо ругаться себе под нос. Но по-настоящему отталкивать его руками уже перестала.

Вскоре она поняла: сегодня он и правда другой.

Движения были тяжелее, и отпускать её, когда она отворачивалась, он почти не хотел.

Словно, промчавшись весь путь обратно, наконец обнял то, что всё это время боялся потерять.

Под поцелуем дыхание Сяо Линъи стало неровным.

Она ущипнула его за плечо.

— Нежнее.

Ци Янь на мгновение остановился.

Когда снова наклонился, сила действительно стала мягче.

В середине Чжиань издал тихий звук.

Сяо Линъи тут же повернула голову в его сторону.

Рука Ци Яня всё ещё лежала на её талии, не позволяя уйти.

— Он не проснулся.

— Сначала отпусти.

Ци Янь подождал несколько вдохов и только потом разжал руку.

Сяо Линъи подошла и поправила лёгкое одеяло на ребёнке.

Когда вернулась, Ци Янь всё ещё сидел у кровати и смотрел на неё.

— Ты сегодня правда странный.

Она подошла.

Ци Янь снова притянул её к себе.

— Спи.

Сяо Линъи видела, что объяснять он не хочет, и перестала спрашивать.

После того как лампа погасла, она вскоре уснула в его объ-

ятиях, дыхание постепенно стало ровным.

Ци Янь не спал.

Однажды ночью Чжиань перевернулся.

Ци Янь открыл глаза и некоторое время наблюдал.

Сяо Линьби тоже пошевелилась. Её рука во сне легла ему на грудь.

Ци Янь опустил на неё взгляд.

Лишь спустя очень долгое время снова закрыл глаза.

На следующее утро он не уехал сразу.

Проснувшись и обнаружив его дома, Сяо Линьби удивилась.

— Сегодня не нужно ехать зарабатывать деньги?

Ци Янь как раз застёгивал на Чжиане свежую маленькую одежду.

Он поднял глаза.

— Сегодня отдыхаю.

Сяо Линьби тут же улыбнулась.

— Отлично. Маленький столик на заднем дворе уже два дня сломан.

Ци Янь взглянул на неё.

— Я только вернулся и уже должен что-то чинить?

— Ты же отдыхаешь.

— Это считается отдыхом?

Сяо Линьби уже достала инструменты и положила под крытой галереей.

— Если дома — значит отдыхаешь.

Ци Янь долго смотрел на неё.

В конце концов всё равно вынес Чжианя во двор.

Глава 14 — Две семьи

После того как дело Фуцюаня было закрыто, пин Чжэн больше половины месяца вела себя тихо. Гуйфэй Гу тоже больше не трогала её напрямую. На поверхности казалось, что дворец действительно оставил происшествие позади.

Но в начале шестого месяца, во время утреннего совета, чиновник Цензората внезапно обвинил Гу Чэнсу, представителя боковой ветви семьи Гу, в нарушениях в отчётности по кавалерийским лошадям Западного лагеря.

Едва доклад прочитали вслух, атмосфера в зале едва заметно изменилась.

Гу Тиньюэ стоял впереди военных чиновников, сохраняя спокойное лицо. Чжэн Юаньшань тоже присутствовал. От начала и до конца он ни разу не посмотрел в сторону Гу.

Ци Янь перевернул две страницы доклада.

— Сколько лошадей не хватает?

Цензор опустил голову.

— По отчётам должно быть тысяча восемьсот. При фактическом подсчёте обнаружено только тысяча пятьсот сорок семь. Оставшиеся двести пятьдесят три проследить невозможно, однако Военное ведомство уже выдало полную сумму серебра.

Лицо министра войны заметно испортилось.

Наконец Гу Тиньюэ вышел вперёд.

— Ваше величество, Гу Чэнсу действительно младший член моего рода. Но если в кавалерийских счетах есть проблемы, их следует расследовать. Я не стану просить для него снисхождения.

Ответ был прямым.

Ци Янь взглянул на него.

— Расследовать.

Одной фразой дело было передано Палате Дали и Военному ведомству.

После совета Гу Тинъюэ не подошёл к Чжэн Юаньшаню. Даже за воротами дворца мужчины не обменялись ни словом.

Но действия семьи Чжэн на этом не остановились.

Через три дня Палата Дали выяснила, что Гу Чэнсу не только подделал количество кавалерийских лошадей, но и воспользовался должностью, чтобы продать армии партию низкокачественных лошадей по завышенной цене.

Когда известие дошло до внутреннего дворца, гуйфэй Гу как раз обедала.

После доклада служанки её палочки остановились.

— Зацепку дала семья Чжэн?

— Снаружи все именно так и говорят.

Гуйфэй Гу положила палочки.

— Что сказал отец?

— Господин велел Вашему Высочеству не вмешиваться в дела двора.

Гуйфэй Гу коротко рассмеялась.

Разумеется, она не собиралась вмешиваться в работу Палаты Дали.

Однако в тот же день после обеда отправила письмо в резиденцию Гу.

Через четыре дня в Ведомстве чинов вновь открыли старое дело.

Три года назад, когда старшего брата пин Чжэн — Чжэн Вэйяня — переводили на новую должность, главный проверяющий однажды изменил для него служебную оценку.

Документ давно был похоронен среди бумаг.

И вдруг оказался в руках цензора.

На следующий же день кто-то подал доклад с обвинениями против семьи Чжэн.

Впервые Чжэн Юаньшань действительно выглядел потрясённым.

На другой стороне зала Гу Тинъюэ стоял с таким видом, словно вообще ничего не знает.

Когда новости дошли до внутренних покоев, пин Чжэн как раз собиралась идти приветствовать императрицу.

На дворцовой дороге она встретила гуйфэй Гу.

Обе процессии остановились.

В тот день гуйфэй Гу, судя по всему, была в особенно хорошем настроении. Увидев пин Чжэн, она даже первой велела остановить паланкин.

Выходить не стала.

Только посмотрела на женщину в нескольких шагах от себя.

— Младшая сестра Чжэн выглядит намного лучше.

Пин Чжэн тоже улыбнулась.

— Всё благодаря Вашему Высочеству.

Гуйфэй Гу прекрасно слышала скрытый укол.

Улыбка не изменилась.

— Ты только восстановилась. Лучше не слишком переживать из-за дел за пределами дворца. В больших семьях людей много. Стоит одному месту дать сбой, и сразу приходится хлопотать множеству остальных.

Пин Чжэн подняла на неё глаза.

— Ваше Высочество правы. В семье Гу людей ещё больше. Вам тоже следует беречь здоровье.

Женщины несколько мгновений смотрели друг на друга.

Первой приказала двигаться дальше гуйфэй Гу.

— Едем.

Пин Чжэн оставалась на месте, пока процессия полностью не прошла, и только потом продолжила путь ко дворцу Фэньи.

На утреннем приветствии того дня императрица ни разу не упомянула ни семью Гу, ни семью Чжэн.

Фэй Се тоже не обсуждала это в зале.

Но, вернувшись к себе, отправила семье Се список, подготовленный заранее.

Когда дело с кавалерийскими лошадьми расследуют до

конца, в Военном ведомстве вскоре освободятся две должности более низкого ранга.

Одна из них как раз подходила дальнему родственнику семьи Се.

Пин Су действовала ещё быстрее.

У её отца уже были связи в Ведомстве чинов. Уже на следующий день после обвинения семьи Чжэн люди семьи Су начали сближаться с местным чиновником, который прежде зависел от Чжэнов.

Пин Хэ тем временем занялась продажей информации.

Она выяснила точное время, когда Гу Чэнсу забрали в Палату Дали, какой чиновник Чжэн заходил в резиденцию семьи Чжэн и с кем Гу Тинъюэ встречался последние дни.

Затем разные сведения отправлялись к разным людям.

Во дворце Фэнъи Цинхэ докладывала императрице обо всех этих событиях.

Императрица сидела у окна и срезала сухие листья с орхидеи в горшке.

— Семьи Гу и Чжэн уже вцепились друг в друга при дворе.

Цинхэ закончила и ждала ответа.

Императрица лишь срезала ещё один пожелтевший лист.

— Его величество их не остановил?

— Нет. Дело о кавалерийских лошадях расследуется. Старое дело семьи Чжэн тоже.

Императрица положила ножницы.

— Пусть расследуют.

Цинхэ посмотрела на неё.

— А если две семьи зайдут слишком далеко?

— Если дело станет достаточно большим, найдётся тот, кто их остановит.

Императрица одним пальцем стёрла пылинку с листа.

— Сейчас останавливать слишком рано.

Цинхэ поняла и больше не спрашивала.

После её ухода императрица некоторое время сидела одна.

Под пресс-папье на столе лежало ещё одно сообщение.

Ниточка к югу от города на самом деле никогда не обрывалась.

Её люди больше не следили за Вэй Чэном. Вместо этого наблюдали за маленьким городком далеко от официальной дороги.

Почти два месяца одна из местных аптек регулярно продавала порошки от жара для младенцев и успокаивающие травы.

Количество было небольшим.

Но покупки не прекращались.

Прочитав доклад, императрица сложила бумагу.

Приказывать немедленно расследовать она не стала.

Просто убрала лист в самую нижнюю шкатулку.

Глава 15 — Жар

Впервые у Чжианя поднялась температура в одну душную ночь.

Ещё днём он был заметно тише обычного. Сначала Сяо Линъи решила, что малыш просто хочет спать. Но когда взяла его кормить, заметила: он съел совсем мало.

Обычно, насытившись, Чжиань ещё некоторое время играл с завязками на её одежде, цепляясь за них пальчиками. Сегодня же почти сразу закрыл глаза.

Сяо Линъи коснулась его лба.

Тёплый.

Затем потрогала щёку.

Горячая.

Она немедленно послала за лекарем.

Лекарь из деревни у подножия горы пришёл ещё до темноты.

Он осмотрел горло Чжианя, проверил пульс и в конце концов сказал, что это обычный детский жар. Пока никаких признаков серьёзной болезни нет. Велел следить за температурой ночью, понемногу давать тёплую воду и использовать лекарство только в том случае, если жар продолжит расти.

Сяо Линъи наконец немного успокоилась.

И именно в этот момент вернулся Шэнь Янь.

Едва войдя, он увидел на столе чашу с лекарством и оста-

новился.

— Кто заболел?

Сяо Линъи сидела у кровати с Чжианем на руках.

— У Чжианя немного поднялась температура.

Ци Янь несколькими шагами пересёк комнату.

Малыш только что уснул. Лицо было краснее обычного, но дышал он пока достаточно ровно.

Ци Янь коснулся его лба.

Лицо мгновенно потемнело.

— Когда началось?

— После обеда.

— Лекаря звала?

— Он недавно ушёл.

Ци Янь развернулся к двери.

Сяо Линъи уставилась на него.

— Ты куда?

— Верну его.

— Он только что осмотрел ребёнка.

Ци Янь уже дошёл до двери.

— Лекарь сказал, что сегодня ночью температура может подниматься и опускаться. Сначала нужно наблюдать.

Он остановился.

Сяо Линъи смотрела на него.

— Лекарство он тоже оставил. Правда всё нормально.

Ци Янь наружу не вышел.

Но за всю ночь почти ни разу не сел.

Чжиань немного поспит — Ци Янь подходит и трогает его лоб. Ребёнок пошевелится — он сразу поднимает глаза.

Даже когда Сяо Линьи поила малыша водой, Ци Янь стоял рядом и смотрел.

Около полуночи температура Чжианя немного поднялась.

Ци Янь тут же встал.

— Позови лекаря.

Сяо Линьи тоже не спала. Она села.

— А-Янь.

— Я сам приведу.

— Лекарь говорил, что так может быть.

— Пусть посмотрит ещё раз.

Сяо Линьи смотрела, как он надевает верхнюю одежду, и в конце концов встала с кровати, чтобы остановить.

— Он ушёл час назад.

— Значит, может вернуться.

— Чжиань только уснул. Если снова приведёшь сюда всех, разбудишь его.

Выражение Ци Яня стало мрачнее.

— Жар не спал.

— Я знаю.

Сяо Линьи тоже весь день тревожилась за ребёнка.

От усталости голос стал резче.

— Я тоже за ним смотрю. Я его мать. Я прекрасно знаю, что у моего ребёнка температура.

Ци Янь повернулся к ней.

— Поэтому тем более нужен лекарь.

Эта фраза окончательно истощила её терпение.

— Сегодня он уже приходил два раза!

Ци Янь не уступил.

— Третий раз не помешает.

Сяо Линьби на мгновение так разозлилась, что не могла говорить.

Она смотрела на мужчину перед собой и вдруг почувствовала: он просто не слышит никого, кроме самого себя.

— Кого ты вообще пытаешься успокоить? Чжиань не может нормально спать. Я не могу нормально спать. Ты заставляешь лекаря всю ночь бегать туда-сюда, и только тогда поверишь, что ребёнок в безопасности?

Челюсть Ци Яня напряглась.

— По крайней мере, за ним будет кто-то наблюдать.

— Я за ним наблюдаю!

— Ты не лекарь.

Глаза Сяо Линьби мгновенно покраснели.

Она и так весь день боялась за ребёнка. Одна эта фраза вытолкнула наружу всю накопившуюся усталость.

— Тогда сам за ним смотри.

Она повернулась к кровати и взяла Чжианя на руки.

Ци Янь остался стоять на месте.

Вскоре всё равно отправил человека вернуть лекаря.

Сяо Линьби не стала мешать.

Просто больше с ним не разговаривала.

Когда лекарь пришёл в третий раз, даже он понял, что господин Шэнь тревожится слишком сильно. Сказать это прямо не осмелился и просто снова тщательно осмотрел ребёнка.

Результат не изменился.

Температура оставалась в обычных пределах. Если ночью не начнёт расти дальше, причин для тревоги нет.

Ци Янь задал все вопросы, какие только мог.

Дыхание.

Кормление.

Пот.

Может ли ночью начаться судорога.

Под конец даже голос лекаря стал беспомощным.

— Господин Шэнь, когда ребёнок впервые заболевает, семья часто пугается. У молодого господина крепкое здоровье, сейчас признаков опасности нет. Ему полезнее нормально поспать, чем постоянно просыпаться для новых осмотров.

Только тогда Ци Янь перестал спрашивать.

После ухода лекаря Сяо Линьи всё ещё держала Чжианя.

На Ци Яня она не смотрела.

Он подошёл.

— Дай мне немного подержать его.

— Нет.

— Ты весь день не отдыхала.

— Я не устала.

Ци Янь посмотрел на её явно побледневшее лицо.

— Линьи.

Она проигнорировала.

За всю ночь это был первый раз, когда он назвал её полным именем.

Ци Янь некоторое время стоял рядом.

В конце концов силой ребёнка не забрал.

Просто сел возле них и вместе с матерью и сыном не спал почти до рассвета.

Во второй половине ночи температура Чжианя начала спадать.

К утру на лбу оставалось лишь лёгкое тепло.

Сяо Линьи проверила несколько раз и только тогда наконец выдохнула.

Она почти не спала.

Убедившись, что ребёнок в порядке, больше не смогла держаться прямо. Прислонилась к краю кровати и закрыла глаза.

Ци Янь взял Чжианя у неё из рук.

На этот раз она не отказалась.

Когда Сяо Линьи проснулась, было уже далеко за полдень.

В комнате стояла тишина.

Чжиань спал в колыбели. Лоб был совершенно прохладным.

Ци Янь сидел у окна.

Откуда-то в его руках появилась чаша сладкого супа.

Сяо Линьи бросила взгляд и отвернулась.

Ци Янь подошёл с чашей.

— Проснулась?

Она повернулась на другой бок.

— У Чжианя температура прошла.

— Знаю.

— Утром лекарь приходил ещё раз.

Сяо Линьби наконец повернула голову.

— Ты опять его позвал?

Ци Янь сделал паузу.

— Сам пришёл на повторный осмотр.

Она явно не поверила.

Ци Янь объяснять не стал. Протянул чашу.

— Тот самый, который ты раньше хотела.

Сяо Линьби посмотрела.

Это был сладкий суп, который несколько дней назад он у неё отобрал.

— Не хочу.

— Он не холодный.

— Всё равно не хочу.

Ци Янь поставил чашу рядом.

Некоторое время они молча сидели.

Чжиань заворочался в колыбели и тихо издал звук.

Сяо Линьби тут же попыталась подняться.

Ци Янь положил ладонь ей на плечо.

— Он не проснулся.

Она сердито посмотрела на него.

— Опять начинаешь.

Рука Ци Яня замерла.

На этот раз он сам медленно убрал её.

Наконец сказал:

— Вчера ночью я зашёл слишком далеко.

Сяо Линъи посмотрела на него.

Она явно не ожидала, что он действительно это признает.

Лицо Ци Яня выглядело немного неестественно, словно такое признание давалось ему тяжелее, чем решение множества проблем где-то снаружи.

— В следующий раз после осмотра лекаря сначала выслушаю всё, что он скажет.

Сяо Линъи ждала.

— И дальше?

Его взгляд остановился на ней.

— Что значит «дальше»?

— Ты трижды среди ночи звал лекаря, два раза разбудил Чжианя и поссорился со мной. И всё?

Он ненадолго замолчал.

Затем снова поднял чашу сладкого супа.

— Разрешу тебе выпить это.

Сяо Линъи едва не рассмеялась от злости.

— Кому нужен твой сладкий суп?

Ци Янь, похоже, понял, что способ не работает, и снова поставил чашу.

— Тогда чего ты хочешь?

Сяо Линъи посмотрела на него.

— Я хочу, чтобы в тот момент, когда тебе становится страшно, ты не решал сразу, что все остальные неправы. Чжиань — твой ребёнок. Но и мой тоже. Ты за него волнуешься. И я волнуюсь.

Ци Янь молчал.

Её голос смягчился.

— Я знаю, что дети до него не выжили. Знаю, что ты боишься. Я никогда не говорила тебе не бояться. Но нельзя каждый раз сразу представлять самое страшное.

Он долго молчал.

Сяо Линьби не заставляла отвечать. Опустила глаза и разгладила край одеяла.

— И вчерашнее «ты не лекарь» было ужасным.

Ци Янь наконец поднял взгляд.

— Забираю обратно.

Сяо Линьби внимательно посмотрела на него.

— Правда?

— Мм.

— Больше не скажешь?

— Постараюсь.

Она тут же нахмурилась.

— Что значит «постараюсь»?

Ци Янь протянул руку и притянул её к себе.

Сяо Линьби не успела отреагировать, а уже оказалась в его объятиях.

— Опять начинаешь.

— Я тебя утешаю.

Она дёрнулась.

— Кто так утешает?

— Тогда научи.

Сяо Линъи всё это время пыталась сохранять серьёзное лицо.

Этот ответ всё-таки её сломал.

Уголок губ дрогнул, и она тут же попыталась подавить улыбку.

Ци Янь уже заметил.

— Ты улыбнулась.

— Нет.

— Я видел.

— Тебе показалось.

Он наклонился, чтобы поцеловать её.

Сяо Линъи быстро упёрлась ладонью ему в лицо и прошептала:

— Чжиань всё ещё здесь.

Ци Янь посмотрел на колыбель.

— Спит.

— Во сне он всё равно человек.

— Ему всего несколько месяцев.

— Несколько месяцев — тоже не разрешение.

Когда она оттолкнула его, Ци Янь больше не продолжал.

Просто оставил руки вокруг неё.

Сяо Линъи прислонилась к его плечу.

Спустя мгновение слегка ткнула его пальцем.

— Дай сладкий суп.

Ци Янь посмотрел ей в глаза.

— Ты же не хотела.

— Теперь хочу.

Наконец он отпустил её и принёс чашу.

Сяо Линъи сделала глоток и обнаружила, что суп действительно всего лишь комнатной температуры.

Она покосилась на него.

— Даже это контролируешь.

Ци Янь сел рядом.

— Мм.

Она сделала ещё один глоток.

На этот раз спорить не стала.

Глава 16 — Первый день рождения

В день первого рождения Чжианя горы только что омыл ночной дождь. На рассвете на листьях бамбука ещё держались капли воды. Каменные ступени за воротами двора блестели чистотой, а время от времени с горного склона спускался ветер, принося влажный запах земли и свежей травы.

Сяо Линьби проснулась раньше обычного.

Первым делом посмотрела на маленькую кроватку.

Чжиань уже сам сел. Чёрные волосы после сна торчали во все стороны, а обеими руками он обнимал матерчатого тигра, которого так часто жевал, что краски начали выцветать.

Сяо Линьби накинула одежду, подошла и подняла на руки и ребёнка, и одеяло.

— Сегодня тебе уже год. Почему проснулся и никого не позвал?

Услышав голос матери, Чжиань тут же улыбнулся и потянулся к волосам, упавшим ей на плечо.

Сяо Линьби этого ждала. Она наклонила голову в сторону, спрятала беспокойную ладошку обратно под одеяло и услышала шаги снаружи.

Шэнь Янь вошёл с тёплой водой.

Увидев, что её волосы всё ещё распущены, поставил деревянный таз на подставку.

— Сегодня не успел выдрать?

— Почти.

Сяо Линъи сразу передала Чжианя ему.

— Забирай. Я сначала приведу волосы в порядок. Сегодня он самый важный человек в доме, поэтому спорить с ним не буду.

Шэнь Янь взял ребёнка и посмотрел на бесстыдно улыбающееся личико.

— Вчера испортил книгу. Сегодня тянешь мать за волосы. Ещё несколько дней — и крышу разбирать начнёшь?

Чжиань не понял ни слова. Вместо этого потянулся к вороту отцовской одежды.

Сяо Линъи села перед бронзовым зеркалом и начала расчёсываться. Наблюдая в отражении за отцом и сыном, она рассмеялась.

— Ему всего год. Не придумывай ему преступления. И вообще, если крыша действительно сломается, чинить всё равно тебе.

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— То есть моя роль в этой семье — всё ремонтировать?

— И деньги зарабатывать.

— Звучит так, будто положение у меня совсем низкое.

Сяо Линъи закрепила последнюю прядь и повернулась к нему с серьёзным лицом.

— Уже очень высокое. По крайней мере, я пока не отправила тебя спать в дровяной сарай.

Шэнь Янь рассмеялся и поставил Чжианя на пол.

Ходил ребёнок всё ещё неуверенно. Едва обувь коснулась пола, он ухватился за край кровати и начал продвигаться к столу. На полпути увидел приготовленную для него новую одежду и сразу сменил направление.

Сяо Линъи поспешила перехватить его.

После немалых усилий ей наконец удалось надеть на сына светло-зелёный наряд. Чжиань тут же принялся тянуть декоративный узел у подола.

— Сегодня нельзя.

Она поймала его за руку.

— Мама несколько дней это шила.

Шэнь Янь некоторое время наблюдал, потом протянул руку и поправил перекосившийся воротник.

— Этот узел слишком слабый.

Сяо Линъи мгновенно повернулась.

— Ты умеешь завязывать лучше?

— Нет.

— Тогда почему критикуешь?

— Видно же.

Она сердито посмотрела на него, но всё равно не удержалась от смеха.

На первый день рождения Чжианя они никого постороннего не приглашали.

Сяо Линъи никогда не любила шумные праздники, да и жили они высоко в горах. Для неё ужин втроем и простой обряд выбора вещей на годик были более чем достаточны.

Когда после обеда выглянуло солнце, она разложила под крытой галереей мягкий коврик.

И только тогда заметила: к вещам, которые она приготовила сама, добавилось ещё две.

Белая нефритовая застёжка.

И маленький деревянный меч, вырезанный совсем недавно.

Она взяла нефрит и внимательно рассмотрела. Камень был тёплого, ровного цвета и гладкий на ощупь. Все края давно стёрлись до мягкости, поэтому было очевидно: вещь не новая.

— Это твоё?

Шэнь Янь как раз сажал Чжианя в центр коврика. Он посмотрел в её сторону.

— Осталось от прежних времён.

Сяо Линьи перевернула застёжку.

Ни надписей, ни особого узора.

Она знала, что когда-то семья Шэнь Яня жила намного лучше, чем сейчас. Ничего странного в том, что у него время от времени находились старые вещи, не было.

Поэтому она просто положила нефрит обратно на стол.

— Тогда пусть останется Чжианю. Когда вырастет, расскажем, что эта вещь лежала перед ним на первом дне рождения.

Шэнь Янь взглянул на нефрит.

— Он всё равно не запомнит.

— Ему и не нужно. Я запомню.

Сяо Линъи присела с другой стороны коврика и хлопнула в ладоши.

— Чжиань, выбирай сам.

На низком столике лежали книга, кисть для письма, медная монета, связка сушёных лекарственных трав, деревянный меч и нефритовая застёжка.

Чжиань сидел посередине и долго смотрел.

Сначала коснулся монеты.

Потом кисти.

На палец попало немного туши, и он тут же с отвращением отдёрнул руку.

Наконец малыш упёрся ладонями в коврик и поднялся на ноги.

Сяо Линъи смотрела с огромным ожиданием.

Ребёнок покачиваясь сделал два шага вперёд.

А потом вообще перестал смотреть на предметы и пошёл прямо к ней.

Сяо Линъи быстро поймала его.

На секунду застыла.

А затем рассмеялась так сильно, что плечи задрожали.

— Столько всего разложили, а он не захотел ничего.

Шэнь Янь стоял рядом.

— Ещё раз.

— Кто проводит такой обряд дважды?

— Этот не считается.

— Почему не считается? Он выбрал меня.

Сяо Линъи с Чжианем на руках села прямо и нарочно отодвинулась подальше.

— Что? Выбрать мать недостаточно хорошо?

Шэнь Янь посмотрел на неё, затем протянул руку к сыну.

— Тогда иди сюда.

Чжиань несколько мгновений смотрел на отца, словно наконец понял, чего от него хотят.

Потом резко подался вперёд.

Сяо Линъи едва успела передать его, как он схватился за завязку на груди Шэнь Яня и тут же попытался засунуть её в рот.

Сяо Линъи рассмеялась ещё громче.

— Вот. Теперь выбрал отца.

Шэнь Янь спас завязку из рук сына.

— И это считается?

— Конечно. Сегодня правила устанавливаю я.

— Тогда неудивительно, что считается всё подряд.

Сяо Линъи услышала насмешку и шлёпнула его по руке.

Чжиань, оказавшийся между ними, увидел, что мать смеётся, и тоже рассмеялся. Взмахнул рукой и ударил Шэнь Яня по подбородку.

Шэнь Янь опустил глаза.

Ребёнок совершенно не понимал, что сделал.

Только засмеялся ещё сильнее.

Сяо Линъи тут же забрала сына обратно.

— Сегодня именинник самый важный. Терпи.

— Вы двое явно на одной стороне.

— Ты только сейчас понял?

Послеобеденное солнце становилось теплее.

Чжиань снова принялся учиться ходить во дворе. Сам он уже мог сделать несколько шагов, но при попытке повернуть часто падал.

Сяо Линъи сидела под галереей и шила саше.

Сначала всякий раз, когда ребёнок качался, она инстинктивно протягивала руку. Убедившись, что падение на мягкий коврик ему не вредит, постепенно научилась просто сидеть и смотреть.

Чжиань удержался за ножку стола.

Отпустил.

Один шаг.

Второй.

На третьем его уже заметно качнуло.

На четвёртом он снова поймал равновесие.

На пятом внезапно повернул голову к Шэнь Яню, который под галереей вырезал деревянное колесо.

Губы ребёнка шевельнулись.

— Папа.

Двор замер.

Нож в руке Шэнь Яня остановился на дереве.

Сяо Линъи тоже подняла голову.

Не получив ответа, Чжиань словно решил подтвердить

слово и позвал снова.

— Папа.

На этот раз яснее.

Шэнь Янь положил то, что держал, подошёл и поднял сына.

Чжиань сразу ухватился за его ворот и продолжил повторять новое слово. Чем больше говорил, тем легче оно получалось.

Сяо Линъи сидела под галереей и смотрела на них. Улыбку в уголках губ скрыть не удалось.

— Столько месяцев учили — наконец окупилось.

Шэнь Янь посмотрел на неё.

— «Мама» он сказал раньше.

— Конечно. Я с ним каждый день.

— Я тоже с ним.

Сяо Линъи опустила голову и продела нитку в иглу.

Не задумываясь, ответила:

— Но не каждый день дома.

Для неё эта фраза ничего особенного не значила.

Шэнь Янь ненадолго притих.

Чжиань лежал у него на плече и играл завязками на одежде.

Шэнь Янь продолжал держать сына.

Помолчав, сказал:

— Когда смогу, буду возвращаться чаще.

Сяо Линъи подняла голову.

Тон был совершенно обычным, словно он просто решил время от времени оставаться дома на несколько дней дольше.

Она некоторое время смотрела на него, затем улыбнулась и кивнула.

— Тогда запомни, что сам это сказал. А то каждый раз занят и забываешь.

В ту ночь Чжиань уснул рано.

Сяо Линьи по одной убрала вещи, использованные в обряде первого дня рождения. Белую нефритовую застёжку положила отдельно в маленькую деревянную шкатулку и убрала в самую глубь шкафа.

Когда Шэнь Янь вернулся после того, как вымыл руки, она как раз закрывала дверцу.

— Правда собираешься отдать ему позже?

— Конечно.

Она прислонилась спиной к шкафу.

— Что? Жалко?

— Нет.

— Вот и хорошо. Когда вырастет, расскажу ему, что отец сам достал эту вещь для него на первый день рождения.

Шэнь Янь протянул руку и притянул её ближе.

— Собираешься всё запоминать за него?

— Он такой маленький. Кто-то должен.

Сяо Линьи позволила прижать себя к нему и подняла голову.

— Когда он сегодня позвал тебя «папа», ты ведь на самом деле очень обрадовался?

На губах Шэнь Яня появилась слабая улыбка.

— Нормально.

— Опять ты за своё.

Она ухватила за край его рукава.

— Снаружи можешь говорить как угодно. Но почему дома всё равно такой?

— Какой?

— Будто всё обязательно нужно прятать.

Шэнь Янь опустил на неё взгляд.

— Тогда что ты хочешь услышать?

Сяо Линьби подумала и нарочно сказала:

— Хотя бы: «Сегодня я был очень счастлив. Мой сын наконец назвал меня папой».

Шэнь Янь повторил фразу слово в слово.

Совершенно серьёзным тоном.

Сяо Линьби согнулась от смеха.

— Всё, забудь. Лучше больше ничего не говори.

Шэнь Янь снова притянул смеющуюся женщину к себе и поцеловал в лоб.

— Так подойдёт?

Сяо Линьби наконец немного успокоилась.

— Еле-еле.

Тёплый жёлтый свет лампы заливал комнату.

Чжиань спал в маленькой кровати рядом и иногда перево-

рачивался, отчего деревянная перекладина тихо поскрипывала.

Больше они ничего не говорили.

Просто некоторое время сидели, прислонившись друг к другу.

Глава 17 — Один год

Целый год Ци Янь не призывал в свои покои ни одну женщину внутреннего дворца.

Первые несколько месяцев всё ещё объясняли тем, что император слишком занят государственными делами.

Через полгода даже самые близкие слуги разных дворцов начали тайком строить догадки.

А когда действительно прошёл целый год, словом «занят» это уже невозможно было прикрыть.

Император, как обычно, присутствовал на утреннем совете. Как обычно, принимал чиновников. Жертвоприношения, весенняя охота, дворцовые пиры — ничто не было заброшено.

Никаких видимых проблем со здоровьем тоже не наблюдалось.

И всё же девять женщин внутренних покоев словно оказались заперты за одной стеной — всех одинаково игнорировали.

На утреннем приветствии в тот день гуйфэй Гу наконец открыто подняла этот вопрос.

Она пришла раньше обычного. Сев, без особого интереса слушала, как пин Хэ делится несколькими новостями извне дворца.

Только после того, как служанки сменили чай, гуйфэй

медленно крышкой отвела плавающие листья.

— Ещё несколько месяцев — и я, боюсь, забуду, зачем вообще живу во внутренних покоях.

Пин Хэ как раз откусила пирожное и едва не подавилась.

— Почему Ваше Высочество вдруг сегодня заговорили об этом?

Гуйфэй Гу взглянула на неё.

— Что? Мне нельзя?

Пин Хэ тут же покачала головой.

— Разумеется, можно. Я лишь боюсь, что если отвечу, Ваше Высочество потом обвинят меня в излишней болтливости.

— И когда это ты по-настоящему боялась такого?

Пин Хэ рассмеялась и, как обещала, замолчала.

Фэй Се сидела с другой стороны и от начала до конца не вмешивалась.

Она давно убедилась, что Ци Янь не просто избегает какого-то одного дворца. Даже во дворце Фэнъи он не оставался на ночь.

Поэтому сейчас выскакивать вперёд она, конечно, не собиралась.

Увидев, что никто не желает продолжать разговор, гуйфэй Гу поставила чашку.

— Один год. Целый год его величество не вошёл ни в один дворец. Ведомство ритуалов несколько дней назад опять упомянуло новый отбор. Палата императорского рода тоже

явно не бездействует. А вы одна спокойнее другой.

Пин Су подняла глаза.

— Ваше Высочество даже следите за делами Палаты императорского рода?

Лицо гуйфэй Гу оставалось спокойным.

— Мой отец служит при дворе. Некоторые вещи доходят до меня сами, даже искать не приходится.

Императрица всё это время читала ведомость Управления императорского двора.

Только тогда медленно перевернула страницу.

Гуйфэй Гу посмотрела на неё.

— Ваше величество, вы совсем не беспокоитесь?

Императрица наконец подняла глаза.

— Если я буду беспокоиться, его величество придёт?

Гуйфэй Гу не нашла ответа сразу.

Императрица закрыла ведомость.

— Если нет, какой смысл снова и снова повторять здесь одну и ту же жалобу?

В зале ненадолго стало тихо.

Гуйфэй Гу явно была недовольна, но в конце концов продолжать не стала.

Гуйжэнь Чжоу сидела на последнем месте. Чай в её руках давно остыл.

Последний год она выглядела гораздо послушнее.

Предупреждение, услышанное в Императорском кабинете, по-прежнему ясно стояло в памяти.

Системная благосклонность медленно поднялась с минус семнадцати до минус двенадцати.

А потом почти остановилась.

Она пробовала несколько способов, но получала лишь редкие крошечные изменения.

Перед глазами вскоре появилась строка текста.

[Долгосрочное задание: поднять благосклонность цели выше 0.]

Чжоу взглянула на неё и закрыла систему.

В последнее время она почти перестала спрашивать, что делать.

Бессмысленно.

Движения при дворе были куда прямее, чем во внутренних покоях.

Палата императорского рода заново привела в порядок реестры ближайших ветвей клана.

Имена, возраст и материнские семьи более десятка мальчиков отправили на императорский стол.

Ни в одном докладе не было слова «усыновление».

Но смысл и без того был очевиден.

Ци Янь просмотрел реестр и отложил.

После этого вперёд вышел министр ритуалов.

— Ваше величество, уже много лет ни один императорский ребёнок не доживает до взросления. Кроме того, прошёл целый год с тех пор, как во дворец входили новые женщины. Снаружи становится всё больше слухов. Осме-

люсь снова просить открыть отбор. Даже если выбрать всего несколько девушек, это поможет успокоить и двор, и страну.

Ци Янь поднял взгляд.

— Что говорят снаружи?

Министр ритуалов заметно замешкался.

— В основном беспочвенные глупости.

— Дайте послушать.

В зале мгновенно стало тихо.

Министру пришлось заставить себя продолжить.

— Некоторые говорят, что после стольких погибших императорских детей ваше величество больше не желает иметь наследников. Другие безрассудно строят догадки о том, не связано ли это со здоровьем вашего величества...

Он не договорил.

Ци Янь понял и без этого.

Сердиться не стал.

Лишь спросил:

— Кто начал?

Министр ритуалов опустил голову.

— Не знаю.

— Расследовать.

Ци Янь откинулся на трон. По лицу невозможно было понять мысли.

— Когда найдёте, привести ко мне.

Уже на следующий день в Юнцзине исчезли несколько людей, привыкших продавать дворцовые сплетни за деньги.

Сказитель из чайной.

Управляющий из дома мелкого чиновника.

И советник, много лет служивший одному из членов императорского рода.

Никто не знал, куда их в итоге увезли.

Знали только одно: с этого дня разговоры на улицах о том, что император «нездоров как мужчина», полностью исчезли.

Доклад с просьбой о новом отборе снова оказался погребён среди бумаг.

О реестре императорского рода тоже больше не упоминали.

Когда новость дошла до гуйфэй Гу, она снимала украшения.

Личная служанка стояла сзади и вынула последнюю золотую шпильку.

Женщина в бронзовом зеркале всё ещё была прекрасна.

Но между бровями уже поселилось нетерпение, которое скрывать полностью больше не удавалось.

— Женщины, которые уже есть, ему не нужны. Новых тоже не хочет.

Она смотрела в зеркало, словно говорила сама с собой.

— Чего именно он хочет?

Служанка не осмелилась отвечать.

Гуйфэй Гу бросила золотую шпильку в шкатулку.

— Ладно.

Она поднялась от туалетного столика.

А во дворце гуйжэнь Чжоу сама Чжоу очень долго смотрела на системное число, застывшее на минус двенадцати.

«Если император вообще никого не призывает из внутренних покоев, как мне завершить это задание?»

[Состояние цели: нормальное.]

Гуйжэнь Чжоу закрыла глаза.

«Я спросила, как мне это сделать».

[Пожалуйста, определите самостоятельно, Носитель.]

Она уже знала, какая строка появится дальше.

И действительно, почти сразу:

[Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

Гуйжэнь Чжоу закрыла всю панель.

Она долго оставалась у окна.

Наконец велела служанке заново составить список подарков, которые разные дворцы в последнее время отправляли императору, вместе со всеми ответными дарами.

Прямое вмешательство в дела императорских слуг могло стоить ей жизни.

Значит, придётся идти более длинным путём.

Глава 18 — Базарный день

Когда снова пришла весна, Сяо Линъи вернулась к изготовлению лекарств.

Травы в горах росли быстро. В ясные дни она собирала их, раскладывала во дворе на бамбуковых подносах и сушила. Постепенно из них получались мази, ароматические мешочки и простые средства от ушибов и растяжений.

Когда Сяо Линъи жила одна, она обменивала такие вещи на рис и соль.

Теперь, вернувшись к прежнему занятию, обнаружила, что руки ничего не забыли.

В первый раз, когда Шэнь Янь увидел двор, почти полностью заставленный бамбуковыми подносами, он некоторое время просто стоял в дверях.

Сяо Линъи сидела на корточках и выбирала повреждённые листья. Подняв голову, она заметила, что он так и не вошёл.

— Чего стоишь?

— Пытаюсь понять, сколько двора ты собираешься занять.

Она оглянулась.

— Половина ещё свободна.

— Значит, собираешься продолжать.

— В этом году травы за горой растут хорошо. Оставлять

их там — только зря пропадут.

Шэнь Янь вошёл, осторожно обходя разложенные на земле растения, и присел рядом.

— Всё это сможешь продать?

— Если не смогу — оставим себе.

— В прошлый раз ты говорила то же самое. В итоге у нас оказалось три корзины овощей, две курицы и мешок сладкого картофеля, который никто не мог доесть.

Сяо Линъи рассмеялась.

— Люди сами настояли, чтобы обменять на это.

— Когда берёшь деньги, тебе всех жалко. А когда дают овощи, почему-то никого не жалко.

— Овощи можно съесть.

Шэнь Янь протянул руку и вытащил жёлтый лист, затесавшийся среди хороших.

— Ладно.

Через несколько дней он вернулся снаружи с несколькими деревянными ящиками, разделёнными внутри на секции.

Никаких украшений на них не было.

Зато для сушёных трав и маленьких баночек с мазями Сяо Линъи они подходили идеально.

Она открыла ящики и некоторое время рассматривала.

Первым вопросом была цена.

Шэнь Янь назвал сумму.

Сяо Линъи сразу подняла голову.

— Столько?

— Они прослужат долго.

— Старые ящики тоже ещё работали.

— И эти работают.

Она сердито посмотрела на него.

— Ты стал очень хорошо говорить бесполезные вещи.

Шэнь Янь улыбнулся.

— У тебя научился.

В итоге Сяо Линъи всё равно оставила ящики.

В базарный день она сложила мази и ароматические мешочки в корзины, а для Чжианя взяла воду и несколько мягких лепёшек.

Мальчику уже было больше года, и удерживать его весь день во дворе стало почти невозможно.

Как только он услышал, что они спускаются с горы, сам схватил свою обувь и побежал сидеть у двери.

Когда Сяо Линъи вышла переодетой, обнаружила, что один башмачок он надел задом наперёд.

Она рассмеялась.

— Торопишься?

Чжиань поднял голову и широко улыбнулся.

Она присела, поправила обувь, взяла его за руку и медленно повела вниз по горе.

На городском рынке было куда шумнее, чем в горах.

Едва Чжиань оказался среди людей, ему сразу захотелось рассмотреть всё вокруг.

Продавцы сладостей.

Лавки с тканями.

Деревянная утварь.

Каждые несколько шагов он останавливался.

Одной рукой Сяо Линъи держала ребёнка, другой несла корзину.

Только добравшись до привычного места, наконец смогла поставить мази.

В то утро торговля шла хорошо.

Постоянные покупатели после покупки часто оставались перекинуться несколькими словами.

Когда Сяо Линъи была занята, Чжиань сидел рядом. Она дала ему маленький деревянный шарик, но он быстро потерял к нему интерес.

А потом увидел барабанчик с бусинами на палочках у торговца напротив.

Этот разносчик торговал в этих местах уже много лет.

На вид ему было чуть за тридцать, кожа потемнела от солнца. Разговорчивостью он не отличался. На прилавке лежали иголки, нитки, гребни, маленькие деревянные игрушки и разная домашняя мелочь.

Сяо Линъи покупала у него два или три раза.

При встрече они обычно только кивали друг другу.

Чжиань потянул мать к его прилавку.

Пришлось вести.

Разносчик в этот момент раскладывал ряд деревянных гребней.

Только когда перед ним кто-то остановился, он поднял глаза.

— Посмотрите.

Всего два совершенно обычных слова.

Чжиань уже присел перед деревянными игрушками.

Сяо Линьи посмотрела цены и в конце концов выбрала ему маленькую деревянную собачку.

Получив игрушку, ребёнок тут же отказался выпускать её из рук.

Сяо Линьи заплатила и не стала задерживаться для разговора. Просто увела Чжианя обратно к своему месту.

Разносчик продолжил торговать.

Кто-то пришёл за иголками.

Кто-то спросил о тканевых завязках.

Он как обычно называл цену, брал деньги и давал сдачу.

Лишь после обеда, когда незнакомый мужчина дважды прошёл через эту часть рынка, разносчик наконец поднял взгляд.

Незнакомец ничего не купил.

Проходя мимо места Сяо Линьи, он тоже не останавливался.

Только несколько раз посмотрел на неё и Чжианя.

Разносчик вскоре снова опустил глаза и поправил катушку ниток в руках.

Немного погодя незнакомец ушёл.

Разносчик за ним не последовал.

Рынок разошёлся поздно.

Сяо Линъи продала последние две коробочки мази, выменяла мешок риса и немного соли. К этому времени Чжиань уже дремал у неё на плече.

Когда она проходила мимо прилавка разносчика, тот как раз собирал вещи.

Они совершенно естественно кивнули друг другу.

И всё.

Сяо Линъи медленно покинула город по дороге домой.

Разносчик положил последние деревянные игрушки в ящик.

Только когда улица опустела, он посмотрел вслед незнакомцу.

А затем продолжил собираться.

На следующем рынке тот мужчина не появился.

Сяо Линъи ничего необычного не заметила.

Как всегда продавала лекарства и покупала нужные вещи.

Чжиань всё так же отказывался идти дальше, стоило увидеть деревянные игрушки.

Разносчик оставался на прежнем месте.

Если спрашивали цену — отвечал.

Когда покупателей не было, сидел, опустив голову, и чинил старый деревянный гребень.

Дни выглядели точно так же, как всегда.

Только однажды Чжиань слишком быстро побежал возле его прилавка и едва не врезался в коромысло прохожего.

Ближе всех оказался разносчик.

Он инстинктивно протянул руку и удержал ребёнка за плечо.

К тому моменту, когда Сяо Линъи поспешила к ним, руку он уже убрал.

— Спасибо.

Она снова взяла Чжианя за руку.

Разносчик кивнул.

— Следите за ним.

Тон ничем не отличался от обычного предупреждения торговца родителю, пришедшему на рынок с маленьким ребёнком.

Сяо Линъи ничего странного не заметила.

Наклонилась, сказала Чжианю несколько слов и увела его.

Разносчик остался сидеть.

Некоторое время смотрел им вслед.

Потом снова опустил голову.

Глава 19 — Кто-то ищет

В городках к югу от столицы постепенно стало появляться всё больше незнакомцев.

Они приезжали по отдельности.

Один человек заходил в аптеку и спрашивал, какие сёмы прошлой весной покупали средства для сохранения беременности.

Другой искал повитух.

Кто-то представлялся торговцем горными товарами и между делом осторожно выяснял, в каких домах поблизости за последний год-два родились дети.

Никто не задавал совершенно одинаковых вопросов.

И со стороны эти люди никак не выглядели связанными между собой.

Сяо Линьи обо всём этом ничего не знала.

Она по-прежнему раз в несколько дней спускалась с горы.

Разносчик, как обычно, выставял свой прилавок.

Однажды после обеда к нему пришёл старик, торговавший лекарственными травами в восточной части города. Он долго выбирал иголки и нитки, а потом как бы между прочим пожаловался: в последнее время слишком много приезжих задают странные вопросы.

Они хотели знать, рожала ли прошлой весной какая-нибудь женщина в горах.

Теперь несколько старух в городе целыми днями придумывали версии.

Медные монеты в руке разносчика на мгновение остановились.

Потом он продолжил считать сдачу, словно ничего не произошло.

— Приезжие?

— Да. И говор у них не местный. Вопросы странные.

Старик убрал иголки с нитками и ушёл.

Разносчик больше ничего не спросил.

В тот день он собрал прилавок позже обычного.

На следующий день незнакомцы всё ещё оставались в городе.

Одна женщина зашла в аптеку.

Другой мужчина посетил повитуху, жившую к западу от города.

Разносчик видел их только издали.

Не пошёл следом.

Не приближался.

На третий день на рынок пришла Сяо Линъи с Чжианем.

Она выглядела заметно более уставшей, чем обычно. Поставив корзину, довольно долго просто сидела, прежде чем заняться делами.

У Чжианя энергии было столько же, сколько всегда.

С деревянной собачкой, купленной несколько дней назад, он бегал туда-сюда по улице, пока снова не присел у прилав-

ка разносчика.

Сяо Линьи подошла следом и поймала сына за руку.

— Сегодня нет.

Чжиань поднял на неё глаза.

— У нас дома уже три.

Он, конечно, не понял.

Взгляд оставался прикован к волчку.

В отличие от других торговцев, разносчик не стал уговаривать купить.

Он продолжал сидеть, опустив голову, и чинить деревянный гребень.

Увидев, насколько ребёнку не хочется уходить, Сяо Линьи наконец присела рядом и начала договариваться.

— Вернёмся домой — отец сделает тебе такой.

На слово «отец» Чжиань будто отреагировал.

Руки разносчика над гребнем на мгновение замедлились.

Затем снова двинулись как обычно.

Когда Сяо Линьи встала, она опёрлась одной рукой о колено.

Наверное, слишком долго сидела на корточках.

Выпрямившись, даже ненадолго закрыла глаза.

Разносчик поднял взгляд.

Только один раз.

Ничего не спросил.

Сяо Линьи не обратила внимания. Взяла Чжианя за руку и ушла.

Лишь когда они отошли достаточно далеко, разносчик снова опустил голову.

Женщина, торговавшая тканями по соседству, наклонилась к нему с тихим смешком.

— Как думаешь, госпожа Шэнь снова ждёт ребёнка?

Разносчик не ответил.

Женщина продолжила сама:

— Когда я носила второго, была точно такая же. Всё время хотелось спать, от запаха масла тошнило. Может, она ещё сама не знает.

Разносчик только передал отремонтированный деревянный гребень новому покупателю.

— Восемь вэней.

Разговор закончился сам собой.

В ту ночь один носильщик, часто перевозивший чужие товары, рано покинул город.

На следующий день исчез и один из приезжих, живших на постоялом дворе.

Куда он ушёл, никто не знал.

Жители лишь решили, что чужаки так же быстро уезжают, как и приезжают.

Разносчик продолжал ставить прилавок на прежнем месте.

А во дворце Чэнтянь императрица тем временем получала всё больше сведений.

Когда Цинхэ принесла старые счётные книги из несколь-

ких лавок, была уже глубокая ночь.

Если смотреть на каждую запись отдельно, всё выглядело совершенно обычно.

Тонкая хлопковая ткань.

Мягкая обувь для младенца.

Порошок от жара.

Успокаивающие травы.

Деревянные кольца для прорезывания зубов.

Рисовая мука.

Маленькие ложки.

Ничего, что заслуживало бы личного внимания императрицы.

Но когда Цинхэ разложила записи за разные месяцы в хронологическом порядке, закономерность стала очевидной.

Сначала — тонкая ткань для новорождённого.

Через несколько месяцев — куски ткани побольше и кольца для зубов.

Ещё позже — обувь на мягкой подошве для ребёнка, который учится ходить.

Императрица читала медленно.

Палец двигался от первого листа к последнему.

Промежуток — ровно год.

Цинхэ стояла рядом и понизила голос.

— Каждый раз вещи покупали разные люди. Постоянного покупателя установить не удалось. Некоторые — местные жители, некоторые — проходившие носильщики. Несколько

человек вообще не оставили имён.

Императрица не ответила сразу.

Она взяла запись, где был указан размер обуви для ходьбы.

— На какой возраст?

— Примерно год.

В комнате стало тихо.

Императрица положила бумагу обратно и снова посмотрела на самую раннюю дату.

Конец весны двенадцатого года Чэнси.

Ровно тот период, до которого она дошла перед смертью в прошлой жизни.

— Повитуха?

Цинхэ достала ещё один лист.

— Нашли одну по фамилии Фэн. В конце прошлой весны за ней приехали посреди ночи. Вернулась через три дня. Её семья всегда жила бедно, но меньше чем через месяц после этого она купила два му земли.

Императрица подняла глаза.

— Кто её забрал?

— Говорит, было темно. Человека толком не рассмотрела и дороги не помнит.

— Ты веришь?

Цинхэ не ответила.

Императрица сложила лист.

— Привести её сюда.

— Сегодня ночью?

— Завтра.

Императрица немного подумала.

— Не отправляй никого, кого можно прямо связать с дворцом Фэнъи.

Цинхэ кивнула.

После её ухода императрица осталась одна среди счетов, разложенных по столу.

Ветер шевельнул край занавески.

Она протянула руку и прижала самую раннюю запись о тонкой хлопковой ткани.

Следующую страницу переворачивать не стала.

Гуйжэнь Чжоу тем временем наконец нашла ещё один возможный путь.

Она уже очень давно не пыталась напрямую выяснять передвижения Ци Яня.

Предупреждение из Императорского кабинета было достаточно понятным.

Если она ещё раз пересечёт эту черту, Чжоу не сомневалась: этот мужчина действительно похоронит вместе с ней и всю семью Чжоу.

Поэтому она сменила способ.

Начала действовать через мелкие дела, которые внешне совершенно не были связаны с императором.

Кто-то неверно записал количество чайных сервизов, необходимых в передних залах.

Кто-то доставил не тот дворцовый реестр.

Теперь Чжоу больше не создавала проблему сама.

Она лишь случайно успевала напомнить о чём-то прямо перед тем, как проблема должна была проявиться.

Иногда это работало.

Иногда её имя вообще не упоминали.

Система не награждала её автоматически только потому, что она потратила усилия.

И лишь в тот день наконец появилось уведомление.

[Благосклонность цели: +2]

[Текущая благосклонность: -10]

Гуйжэнь Чжоу откинулась на кушетку и долго смотрела на число.

Десять пунктов.

До нуля всё ещё далеко.

Но теперь она уже не теряла самообладание так, как раньше.

Когда служанка принесла чай, Чжоу даже была в достаточно хорошем настроении, чтобы наградить её кусочком серебра.

Только после ухода женщины она спросила систему:

«Главное, чтобы он не знал, кто создал первоначальную проблему, а видел только конечный результат, верно?»

Система ненадолго замолчала.

[Система не может предоставить информацию, неизвестную цели.]

Гуйжэнь Чжоу улыбнулась.

«Я и не ждала, что ты знаешь».

Почти сразу появилась знакомая строка.

[Пожалуйста, постарайтесь, Носитель.]

На этот раз она не стала ругаться.

Глава 20 — Ещё один

Сяо Линъи впервые почувствовала неладное, когда резала имбирь. Чжиань в то утро проснулся рано. Шэнь Янь играл с ним во дворе, а Сяо Линъи готовила обед на кухне. Рыба только успела попасть в горячее масло, как поднявшийся запах внезапно вызвал у неё тошноту.

Ей пришлось отложить нож и выйти наружу, одной рукой придерживаясь за дверной косяк, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Чжиань, едва увидев её, тут же подбежал, прижимая к груди деревянную собачку. Сяо Линъи присела перед ним. Тошнота снова подкатила к горлу, и она поспешно отвернула лицо.

Шэнь Янь заметил это и подошёл ближе.

— Что случилось?

— Наверное, рыба несвежая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.